

Мишель ЗЕВАКО

ТАЙНЫ НЕЛЬСКОЙ БАШНИ

Серия исторических романов

Мишель Зевако

Тайны Нельской башни

«ВЕЧЕ»

1905

Зевако М.

Тайны Нельской башни / М. Зевако — «ВЕЧЕ», 1905 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4484-7014-1

Легенда о Нельской башне – одна из самых страшных загадок французской истории. Говорят, что во времена правления сына Железного короля Филиппа IV неподалеку от стен башни парижане вылавливали в Сене не только рыбу... Знаменитый французский писатель Мишель Зевако (1860–1918), чьи романы известны в России благодаря фильмам с участием Жана Марэ и других замечательных актеров, дает свою версию драматических событий, произошедших в начале XIV века при дворе Капетингов, самой длинной династии французских королей. Роман «Тайны Нельской башни» публикуется на русском языке впервые.

ISBN 978-5-4484-7014-1

© Зевако М., 1905

© ВЕЧЕ, 1905

Содержание

Об авторе	6
I. Ла-Куртий-о-Роз	8
II. Королевский кортеж	10
III. Монфокон	14
IV. Отец Миртиль	18
V. Таинственная встреча	22
VI. Ангерран де Марины	28
VII. Граф де Валуа	35
VIII. Нельская башня	39
IX. Маргарита Бургундская	44
X. Буридан	50
XI. Лувр	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Мишель Зевако

Тайны Нельской башни

Michel Zévaco

Buridan, Le héros de la Tour de Nesle

© Самуйлов Л. С., перевод на русский язык, 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

* * *

Мишель Зевако (1860–1918)

Об авторе

Жизнь французского писателя Мишеля Зевако, автора захватывающих романов плаща и шпаги, была не менее яркой и бурной, чем его собственные книги. Он родился 1 февраля 1860 года в родном городе Наполеона – славном Аяччо, столице острова Корсика. После девятилетнего обучения в школе-интернате будущий писатель поступает в лицей Святого Людовика в Париже и уже через два года, в возрасте 20 лет, получает назначение на место преподавателя литературы в коллеже во Вьене близ Лиона. Карьера молодого учителя складывается весьма удачно, но через 10 месяцев его отстраняют от должности из-за любовной интрижки с женой местного муниципального советника. В 1882 году Зевако решает продолжить карьеру своего отца и записывается в 9-й драгунский полк. Но будучи совершенно невосприимчивым к дисциплине и довольно-таки нерадивым солдатом (потерял саблю, упустил коня, проигнорировал участие в ночном дозоре), а также весьма дерзким и заносчивым, Мишель не находит себя и на этом поприще. За 4 года службы он заработал в общей сложности 88 суток ареста и имел 118 приводов в полицию.

Покинув армию в 1886 году, Зевако возвращается в Париж и начинает зарабатывать на жизнь пером, заделавшись политическим журналистом. Провалившись на выборах в парламент в сентябре 1889 года, буйный корсиканец избирает своей литературной мишенью министра внутренних дел Констанана, и в одной из газетных публикаций вызывает противника на дуэль. За этот «наглый поступок» Зевако приговаривают к штрафу в тысячу франков и четырем месяцам заключения в тюрьме Сент-Пелажи. После выхода на свободу Зевако возвращается в редакцию газеты «Эгалите» («Равенство»). Здесь он продолжает писать и публиковать свои статьи и романы. Затем без особого успеха пытается создать газету «Ле Гё» («Нищий»), выпустив единственный номер в марте 1892 года. Вскоре неумный бунтарь направляет свою кипучую энергию на поддержку анархистов. От их имени он обращается к парижанам с яростным воззванием против буржуазии, породившей голод в стране: «Если вам нужны деньги, возьмите их сами, а если понадобится кого-нибудь убить – так и убейте!» Отказавшись от уплаты штрафа в 2 тысячи франков и заочного лишения свободы за это выступление, Зевако опять попадает в Сент-Пелажи, где и проводит 6 месяцев. Однако усиленные репрессии в стране против анархистов смягчают литературные воззвания пламенного корсиканца, а дружба с монмартрскими художниками прерывает его журналистскую карьеру на 3 года. Лишь в 1898 году он вновь берется за перо, чтобы осветить знаменитое дело капитана Дрейфуса. Это событие ставит последнюю точку в бунтарских амбициях разочаровавшегося Зевако, уставшего от бездействия и всевозможных махинаций политических партий и профсоюзов.

Последние 20 лет его жизни были посвящены только историческим и приключенческим романам, которые писатель с успехом публикует в журналах, следуя по стопам своих кумиров Виктора Гюго и Александра Дюма. Восторженные критики прозвали Зевако «последним романтиком уходящей эпохи». Начиная с 1899 года «Шевалье де ла Барр», «Борджиа», «Капитан» и многие другие романы снискали писателю славу и статус самого высокооплачиваемого французского романиста наряду с автором «Призрака Оперы» Гастоном Леру. Успех сопутствовал Зевако до последних дней. Он умер 8 августа 1918 года в городке Обонн, неподалеку от Парижа. Лучшие романы писателя («Нострадамус», «Тайны Нельской башни», десяти томная сага о бесстрашных гасконцах Пардайнах) и поныне пользуются большой популярностью у читателей во многих странах мира.

Владимир Матющенко

Избранная библиография Мишеля Зевако:

- «Борджиа» (Borgia, 1900)
«Тайны Нельской башни» (Buridan, Le héros de la Tour de Nesle, 1905)
«Маргарита Бургундская (Кровавая королева)» (La Reine sanglante, Marguerite de Bourgogne, 1905)
«Нострадамус» (Nostradamus, 1907)
«Сын Нострадамуса» (Le Pré aux clercs, 1919)

Серия «Пардайкины» (Les Pardaillan, 1902–1926):

1. «Кровное дело шевадь» (Отец и сын) (Les Pardaillan, 1902)
2. «Любовь шевадь» (Эпопея любви) (L'Épopée d'Amour, 1902)
3. «Принцесса из рода Борджиа» (Фоста) (La Fausta, 1903–1904)
4. «Заговорщица» (Побежденная Фоста) (Fausta vaincue, 1903–1904)
5. «Смертельные враги» (Пардайкин и Фоста) (Pardaillan et Fausta, 1912–1913)
6. «Коррида» (Любовь Чико) (Les Amours du Chico, 1912–1913)
7. «Сын шевадь» (Сын Пардайкина) (Le Fils de Pardaillan, 1913–1914)
8. «Сокровища Фосты» (Le Trésor de Fausta, 1913–1914)
9. «Тайна королевы» (Конец Пардайкина) (La fin de Pardaillan, 1926)
10. «Последняя схватка» (Конец Фосты) (La fin de Fausta, 1926)

І. Ла-Куртий-о-Роз

Рядом с Тамплем, в зловещей тени этой мрачной, безмолвной башни, в окрестностях которой мало кто осмеливался появляться, располагался дивный сад, наполненный благоуханием цветов и пением птиц, – этакая примула, притаившаяся под уродливым грибом.

Назывался он Ла-Куртий-о-Роз¹ – романтическое имя для красивого палисадника, в котором каждое лето распускались дивные кусты роз всевозможных цветов и оттенков.

В саду этом стоял прелестный домик – остроконечная крыша с колоколенками, башенка, стрельчатые, из цветного стекла, оконца, – все здесь буквально дышало радостью.

В это светлое утро, овеваемое шальным бризом, в зале, украшенном живописными гобеленами и искусной резной мебелью, находилась молодая пара... двое влюбленных. Она была хрупка, изящна и довольно мила; он – строен, горделив и весьма элегантен, хотя и в слегка поношенной одежде.

Из глубины комнаты на них косо поглядывала старуха с бледным лицом, на котором застыла маска угодливости.

– Прощай же, Миртиль... до завтра, – прошептал юноша.

– До завтра! – воскликнула девушка. – До завтра! Но как я могу вообще быть уверена в том, что увижу тебя завтра или в какой-либо другой день, когда ты подвергаешься столь ужасной опасности? Если ты меня любишь, Буридан, откажись от этой безумной затеи!

С распущенными золотистыми волосами и полными слез глазами цвета лазури, она обняла возлюбленного за шею и взмолилась:

– Сегодня вечером здесь будет мой отец, и я признаюсь ему в нашей любви!

– Твой отец, Миртиль? – вздрогнул молодой человек.

– Да, Жан, да, любовь моя, сегодня вечером мой отец обо всем узнает.

– Твой отец, с которым я до сих пор не знаком, как отнесется он ко мне? Кто знает?... За те полгода, что я прихожу сюда, в этот уединенный домик, с того самого дня, как ты изволила обратить на меня свой нежный взор, сколько раз я пытался увидаться с ним... Все было тщетно. Всегда!

Старуха с косым взглядом подобралась поближе.

– Мэтр Клод Леско, – сказала она, – вынужден часто бывать в далекой Фландрии, куда его призывают торговые дела, но сегодня вечером, насколько мне известно, он непременно вернется...

– И я все ему расскажу! – воскликнула Миртиль. – Если бы ты знал, как он меня любит, – просто обожает!.. Когда я сообщу ему, что хочу стать твоей женой, что умру, если не буду с тобой, вот увидишь, он так обрадуется, что тотчас же согласится отдать тебе мою руку!

– Стало быть, до завтра! – весело произнес юноша. – И если почтенный Клод Леско согласится наконец принять Буридана, последний будет на седьмом небе от счастья!

– Любимый!.. Но неужели сегодня, в канун нашего счастья, ты действительно хочешь... Ну, поклянись, что не пойдешь туда... Ох, он качает головой... Жийона, моя славная Жийона, помоги мне переубедить его!

Старуха подошла к молодому человеку и осторожно коснулась сухой ладонью его руки.

– Значит, вы все же решились повидаться с монсеньором Ангерраном де Мариньи?

– Да, и намерен сделать это сегодня же. И раз уж тебе, старая, стала известна эта тайна, раз уж ты любишь почесать языком и непременно уже рассказала все молодой хозяйке, исправь свою оплошность, донеся до нее правду: никакая опасность мне не грозит.

¹ Что можно перевести как «Сад цветущих роз». – Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примечания переводчика.

– Никакая опасность! – проворчала Жийона. – Безумец! Не иначе как одержим бесом, раз уж решил пойти против монсеньора Ангеррана де Мариньи! Послушайте, Жан Буридан, послушайте: разве вы не знаете, что первый министр могущественнее самого короля? Это не человек, а скала, и горе тому, кто с ней столкнется, – вы разобьетесь на кусочки! Монсеньор де Мариньи все знает, все видит, все может! Один за другим его враги умирают от кинжала или от яда, на эшафоте или на виселице. Его орлиный взгляд прочтет в вашей душе даже то, о чем вы помышляли лишь в тишине глубоких ночей. Его твердая рука достанет вас в самом надежном убежище и, трепещущего от страха, передаст палачу.

Жийона перекрестилась.

– Слышишь? – прошептала Миртиль.

Чело юноши немного омрачилось, однако же он покачал головой.

– Пусть Ангерран де Мариньи будет даже еще более могуществен, пусть его окружает сотня самых рогатых чертей, ничто не сможет помешать мне направиться на встречу, назначенную двумя моими верными друзьями, Филиппом и Готье д'Онэ. В любом случае, даже если бы я не обещал этим благородным господам, что явлюсь туда, я ненавижу Мариньи в не меньшей мере, чем он ненавидит меня. Пришло время нам наконец столкнуться лицом к лицу...

– Послушайте! – вскричала Жийона.

Вдали зазвонили колокола.

Миртиль вновь бросилась на шею любимому.

– Жан, – прошептала она слабым голосом, – умоляю, не ходи туда!

К первым колоколам добавились другие, и вскоре их громкий гул разнесся по всему Парижу.

– А вот и король выезжает из Лувра! – воскликнул Буридан. – Пора! Прощай, Миртиль!

– Буридан! Дорогой мой!..

– До завтра, Миртиль! Любовь, Ла-Куртий-о-Роз – все это будет завтра! Сегодня меня ждет возмездие и Монфокон!

Вырвавшись из отчаянных объятий, он послал Миртиль воздушный поцелуй и выбежал за порог.

Потеряв голову, плача навзрыд, девушка упала на колени перед маленьким образом Девы Марии.

В этот момент Жийона украдкой выскользнула в сад, а оттуда – на дорогу.

Поджидавший в укромном местечке у изгороди человек бросился ей навстречу:

– Ну как, Жийона, получилось?

– Да, Симон Маленгр. Вот он.

Старуха вытащила из кармана небольшой ларчик, который человек открыл с опаской.

В ларчике этом содержалось нечто странное – восковая фигурка, украшенная диадемой и облаченная в королевскую мантию; в сердце ее была воткнута игла.

Оглядевшись по сторонам, Жийона прошептала глухим голосом:

– Скажешь своему господину, благородному графу Карлу де Валуа, что эта фигурка, изготовленная колдуньей Миртиль, несет в себе порчу и способна убить короля. У Миртиль есть и другая такая же; она хранится в ее спальне. Ступай же, Симон Маленгр, и в точности повтори эти слова графу де Валуа!

Симон Маленгр спрятал ларчик под плащом и, прижимаясь к ограде, зашагал прочь, в то время как Жийона, со зловещей улыбкой на тонких губах, вернулась в Ла-Куртий-о-Роз и прошла в комнату, где Миртиль молилась перед образом Богородицы за своего жениха...

II. Королевский кортеж

Эти колокола, эти фанфары, этот шум, разносившиеся могучей волной по Парижу, были звуками огромной народной радости, приветствовавшей нового короля Франции.

Людовик – десятый по счету король с этим именем – представал перед парижанами впервые.

Выезд триумфального кортежа из Лувра сопровождался блеском доспехов, гарцеванием лошадей, покрытых роскошными попонами, громкими аплодисментами собравшейся у дворца толпы.

На углу улицы Сен-Дени было и вовсе не протолкнуться: проезд сопровождавших Людовика высших должностных лиц королевства народ встречал одобрительными возгласами.

Трое молодых людей, находившихся немного в стороне от толпы, хранили молчание; стараясь держаться поближе друг к другу, одного за другим, провожали они внимательными взглядами сановников, коим адресовались народные здравицы.

– Вот он! – глухо молвил один из них, указывая на всадника, державшегося слева от короля. – Видишь, Готье? А ты, Филипп? Эй, Филипп д’Онэ, ты смотришь? Вот человек, который убил твою мать, – Ангерран де Мариньи!

– Да, – еще более тихо отвечал Филипп д’Онэ. – Да, это он!.. Но не сойти мне с этого места, если я сейчас не совершаю кощунство... Ох, Буридан, прости, но отнюдь не на Мариньи обращен мой безрассудный взор!..

– Да ты побледнел, Филипп! Ты весь дрожишь!

– Да, дрожу, Буридан, и сердце вот-вот вырвется из груди, так как здесь... она... Она!

Возгласы толпы сделались еще более страстными, почти идолопоклонническими: в карете или, скорее, открытой повозке, в которую была впряжена четверка белых лошадей, покрытых белоснежными попонами, появились улыбающиеся, раскрасневшиеся от удовольствия, в пышных платьях из шелка и бархата королева и две ее сестры – Жанна, супруга графа де Пуатье, и Бланка, жена графа де Ла Марша.

Народ ликовал, и по праву: все три сестры были восхитительно красивы. О! То была красота опьяняющая, неистовая – казалось, три богини сошли с вершины Ида², столько гордости и фатальности было в сладострастии их улыбок... особенно притягательной была ее улыбка!

Она! С точеной фигурой, густыми белокурыми волосами – такие, вероятно, были у выходящей из волн Афродиты, – с прикрытыми длинными ресницами глазами, в которых нет-нет да мелькнет задорный огонек, грудью, вздымавшейся так высоко и часто, словно в эту незабываемую минуту она желала передать свою любовь всем парижанам, высыпавшим на улицы.

Она, чье имя иначе как со страстным обожанием нигде и не произносилось!

Она!.. Королева!

Маргарита Бургундская!..

* * *

Именно на королеву Маргариту смотрел обезумевшими от страсти глазами Филипп д’Онэ, тогда как взгляды его брата Готье и Буридана были прикованы к первому министру Ангеррану де Мариньи.

И там, на углу улицы Сен-Дени, кортеж на мгновение приостановился.

² Имеются в виду греческие богини Гера, Афина и Афродита, явившиеся к Парису на гору Ида для разрешения спора о том, кто из них самая красивая.

Королева в этот момент наклонилась, возжелав помахать ручкой подданным. Взор ее остановился на молодом человеке, стоявшем рядом с Филиппом д'Онэ – на женихе Миртиль, Буридане.

Маргарита едва заметно вздрогнула. Она побледнела, побледнел и Филипп. Грудь ее затрепетала. То был вздох любви... вздох всепоглощающей страсти... одной из тех страстей, что уничтожают, опустошают и убивают!

Кортеж вновь двинулся в путь.

– Маргарита!.. – вздохнул Филипп д'Онэ, сложив руки в жесте обожания.

Вздох слетел и с губ королевы, прошептавшей одно только имя:

– Буридан!..

– Идемте же, нас ждет Монфокон! – схватив братьев д'Онэ за руки, воскликнул жених Миртиль.

Действительно, королевский эскорт направлялся именно к Монфокону.

По улицам, заполоненным двухсоттысячной толпой парижан, кортеж медленно продвигался к конечному пункту своего следования; во главе его, на великолепном скакуне с голубым чепраком, украшенным золотистыми геральдическими лилиями, ехал прево, кричавший во все горло:

– Дорогу королю! Дорогу королеве! Дорогу всемогущему графу де Валуа! Дорогу монсеньору де Мариньи! Лучники, разогнать толпу!

Сопровождаемый шевалье с развевающимися знаменами, утопающими в россыпях драгоценных камней епископами на покрытых золотистыми попонами лошадях, капитанами в украшенных султанами касках, блестящими вельможами – герцогом де Ниверне, графом д'Э, Робером де Клермоном, графом де Шароле, Жоффруа де Мальтруа, сиром де Куси, Гоше де Шатийоном, сотнями других – в роскошных, переливающихся одеждах с вышитыми на них узорами, сверкающих доспехах, касках с гребнями, голубых, пурпуровых или же с горностаевой отделкой мантиях, закованными в латы жандармами, стражниками в покрытых шипами кольчугах, чарующей кавалькадой, демонстрировавшей пышность и военную мощь феодализма – в такой атмосфере могущества и славы, среди приветственных возгласов, въезжал в Париж новый король Франции!

Король! Сегодня это лишь слово, тогда же то было нечто ужасное – исключительное существо, приближенное скорее к небесам, нежели к земле.

Элегантный, отважный, сильный и крепкий в свои двадцать пять лет, Людовик X улыбался подданным, гарцевал на коне, обменивался шутками с буржуа, приветствовал женщин, здоровался с мужчинами.

И Париж, еще не отошедший от того кровавого кошмара, каким было для него правление Филиппа Красивого, Париж, не дышавший полной грудью долгие годы, восторгался и аплодировал, веря в то, что его бедам пришел конец, так как для народа смена правителя – это всегда надежда, которая рождается, рискуя вскоре угаснуть.

– Ах! Какой славный король! Как он улыбается своему народу!

– И сварливый! До чего же сварливый!

– Да, сварливый! – кричал Людовик, на ходу подхватывая слово. – Ведь сварливый, ко всему прочему, означает и «задира», «войка». Так что бойтесь, мои – они же ваши – враги!

– Да здравствует Людовик Сварливый!

Народ ревел от радости, воодушевленный такой доброжелательностью и великолепием кортежа, который продвигался по городу с ослепительной помпезностью. И все же...

В этом же кортеже, тотчас же после королевской свиты, босиком, с опущенной головой и блуждающим взглядом, со свечой в руке, шел между двумя монахами и двумя же помощниками палача – то был его персональный эскорт – некий несчастный.

Первый выезд короля являл собой и первое же увеселение.

Увеселением тогда было то, что теперь мы именуем торжественным открытием.

То, что собирались торжественно открыть в то утро, представляло собой монументальное сооружение, построенное за долгие месяцы работ и немалые деньги по приказу Ангеррана де Мариньи для нужд Его Величества короля Филиппа Красивого. Людовик X унаследовал от отца не только министра, но и сей монумент.

И монументом этим была виселица Монфокон!

* * *

Никому в толпе не было никакого дела до приговоренного, которому предстояло первым опробовать новую виселицу – честь, от которой бедняга, вероятно, с радостью бы отказался. Его имя? Если кто его и знал, то очень немногие. Его преступление? О нем было известно не больше.

До него никому не было дела, за исключением разве что высокого, могучего мужчины с ледяным и высокомерным лицом в роскошных одеждах, что ехал верхом по правую руку от Людовика X.

И этим мужчиной – единственным, повторимся, кого заботил смертник – был граф Карл де Валуа, дядя короля!

Приговоренный время от времени резко вскидывал голову и бросал на графа полный отчаяния взгляд, в котором пылала неприкрытая угроза. Тогда граф – в те годы особа весьма влиятельная – вздрагивал, бледнел и слегка пришпоривал лошадь.

Какая загадочная связь могла существовать между этим надменным персонажем, стоявшим на ступенях престола почти столь же высоко, как и король, и несчастным смертником, которого собирались вздернуть на Монфоконе?

Почему взгляд этого переданного палачу человека вызывал дрожь у того, кто держался в кортеже рядом с королем?

По мере прохождения кортежа толпа рассеивалась; одни бежали к фонтану, который на протяжении всего дня бил вином, другие – и таковых было гораздо больше, – останавливаясь вокруг менестрелей и музыкантов, что на перекрестках пели более или менее уместные лэ³, направлялись к Порт-о-Пэнтр (позднее – ворота Сен-Дени), дабы занять место у виселицы Монфокон.

И на всех улицах, по которым проезжал Людовик X, наблюдалась всеобщая радость, повсюду разносились одни и те же приветственные возгласы, коих поочередно удостоивались все придворные, входившие в этот великолепный кортеж.

Все?.. Нет. Ропот недовольства, глухие проклятия пробегали по рядам высыпавших на улицы парижан, вынуждая людей содрогнуться от страха и ужаса, когда взгляд их останавливался на только что виденной нами мрачной физиономии графа де Валуа, дяди короля, и еще более мрачной и беспокойной физиономии Ангеррана де Мариньи, первого министра.

Валуа и Мариньи, один – слева, другой – справа от Людовика X, обменивались смертельными взглядами. Непримируемая ненависть, внесшая раздор между этими людьми, теперь проявилась со всей очевидностью. Раздавленный, мучимый злобой и завистью, утративший все свое влияние при Филиппе Красивом, Карл де Валуа годами копил в себе желчь.

Какую ужасную месть готовил он теперь, когда королем стал его племянник?

Так или иначе, из толпы в адрес и одного, и другого неслись одни и те же глухие проклятия – их боялись и ненавидели в равной мере.

Но вскоре, словно волшебный лучик рассеял эту тучу страха и ненависти, настроение людей заметно улучшилось; вновь раздались приветственные возгласы – народу явилась та,

³ Небольшая поэма в стихах.

ради которой, казалось, и звучали все эти колокола и фанфары, ради которой взошло весеннее солнце, ради которой развевались знамена, та единственная, кому были готовы подарить свою любовь двести тысяч парижан – королева, Маргарита Бургундская.

III. Монфокон

Огромные подмостки. Король уселся в стоявшее под навесом большое позолоченное кресло. У основания подмостков столпилась стража. Нещадно палит солнце; народ, вечный зритель подобных пышных мизансцен, возбужден – его ждет грандиозное зрелище, красочное и величественное!

Принцессы остались в повозке, немного впереди подмостков.

Меловой холм искрится золотом, сталью, украшениями, драгоценностями... и на все это великолепие отбрасывает свою чудовищную тень виселица...

Да какая!.. Огромная каменная площадка, на которой выселись шестнадцать громадных столбов, поддерживающих три яруса мощных брусьев с болтающимися на них цепями.

Вся эта конструкция заключала в себе невероятное нагромождение «окон» и «ячеек», в которых одновременно могли висеть до сотни приговоренных; это походило на ужасный сон, и Ангерран де Мариньи улыбался сему сну, созданному из строительного камня и железа. Улыбался, пересчитывая нити этой гигантской паутины.

А Карл де Валуа взирал на смиренно склонившегося перед королем первого министра с завистью. Карл де Валуа задыхался от ярости перед этим новым триумфом своего соперника.

– Вот, сир, – говорил Ангерран де Мариньи, – что я построил во славу и ради безопасности вашего выдающегося отца, и, смею вас заверить, все это не стоило государственной казне ни одного денье. Эта виселица, – добавил он с широким жестом, – возведена исключительно на мои скромные средства. То, что я хотел преподнести отцу, я отдаю сыну и буду очень счастлив, если мой король останется доволен моим усердием.

– Слава Богу! – вскричал Людовик X. – Вы верный слуга, а эта виселица воистину прекрасна.

Толпа приветствовала Мариньи гулом восхищения, и тот смерил Валуа уничижительным взглядом.

Последний заскрежетал зубами и вытер капли пота, выступившие на лбу от с недавней его ненависти.

В этот момент какой-то человек, коему удалось взобраться на подмостки, пробился к графу де Валуа и коснулся его руки. Откинув полу плаща, он показал графу нечто... ларчик, который поспешил приоткрыть, после чего шепнул несколько слов на ухо.

Валуа, схватив ларчик, распрямился во весь рост, устремил пылающий радостью взгляд на Мариньи и прошептал едва слышно:

– Вот ты и попался!.. Теперь я раздавлю тебя как клопа!

Парижский прево, видя, что король начинает скучать, подал знак палачу кончать с тем, кого должны были повесить.

Каплюш, заплечных дел мастер, подошел к приговоренному.

В этот смертный час бедняга в последний раз поднял глаза на Валуа, и тот побледнел.

– Дайте мне слово! – громко выкрикнул приговоренный.

Граф вздрогнул.

Но в эту секунду, когда все замолчали, чтобы услышать, что желает сказать смертник, кто-то в толпе трижды настойчиво протрубил в рог.

Все – король, королева, принцессы, придворные, стража, палач – все повернулись в ту сторону, откуда шел звук, и увидели группу из двадцати всадников, во главе которых находились трое юношей с гордыми лицами.

– Пресвятая Дева! – побледнев от ярости, Людовик X вскочил на ноги. – Это кто еще смеет трубить в нашем присутствии?

– Я! – произнес раскатистый голос.

– Ты? И кто же ты такой?

– Тот, кто требует правосудия. Правосудия над Ангерраном де Мариньи.

При этих словах по толпе прокатился глухой гул – гул ненависти, выражение людского отчаяния.

– Да, сир! Правосудия! Правосудия!

– Сир, – прошептал Валуа на ухо племяннику, – глас народа – глас Божий, прислушайтесь к нему.

И граф отступил назад, тогда как Мариньи, бледный как смерть, уставился на грозных всадников так, словно увидел призраков.

– Что ж, посмотрим, сколь далеко зайдет их дерзость, – промолвил Людовик X. – Твое имя! – добавил он резко.

– Жан Буридан!.. Готье, Филипп, ну же, говорите!

– Я, Готье д'Онэ, – произнес всадник, державшийся по правую руку от Буридана, – перед Богом и перед королем, обвиняю Ангеррана де Мариньи в смерти моих отца и матери, и заявляю, что если не добьюсь для него правосудия, то расправлюсь с ним лично!

– Подтверждаю его слова! – вскричал Буридан.

– Я, Филипп д'Онэ, – сказал всадник, державшийся по левую руку от Буридана, – перед Богом и перед королем, обвиняю Ангеррана де Мариньи в попытке убить нас – меня и брата, – вероломно завладеть всем нашим имуществом и заявляю, что если не добьюсь над ним правосудия, то расправлюсь с ним лично!

– Готов подтвердить и эти слова! – воскликнул Буридан.

И тотчас же, среди повисшего над холмом изумленного молчания, продолжал:

– Я, Жан Буридан, перед присутствующими здесь парижанами, обвиняю Ангеррана де Мариньи в том, что он долгие годы угнетает и притесняет жителей королевства, строя собственное благосостояние на народном горе, проливая кровь невинных, делая сиротами больше детей, чем могла бы сделать война. Этот человек проклинаем всеми простыми людьми, и поэтому я заявляю, что он заслуживает права первым быть повешенным на этом сооружении мерзости и смерти, которое угрожает Парижу. И так как я намереваюсь совершить над ним правосудие, я вызываю Ангеррана де Мариньи на честный поединок – пусть таковой состоится через неделю, в Пре-о-Клер, – и дабы сей господин не имел возможности его проигнорировать, бросаю ему мою перчатку!

Привстав на стременах, Буридан сделал резкий жест, и брошенная им перчатка упала на королевские подмостки. Буря одобрительных криков и угроз, казалось, заставила Монфокон содрогнуться.

– Сир, сир, – пробормотал Мариньи, – вы ведь не позволите безнаказанно оскорблять верного слугу вашего отца...

– Нет, клянусь всеми чертями! Эй, стража!.. Капитан!..

Стражники уже бежали к подмосткам...

В этот момент вопль ужаса вырвался из груди каждого из присутствующих.

Напуганная криками и бряцанием доспехов, четверка лошадей, впряженных в повозку принцесс и королевы, неистовым галопом рванула с места, сметая всех, кто пытался ее остановить.

В облаке пыли трясущаяся, едва не разваливавшаяся на части повозка с головокружительной скоростью неслась к оврагу. Король вновь вскочил на ноги и со слезами на глазах возопил, вздев руки к небу:

– Пресвятая Богородица, если спасешь королеву, обещаю в первый же год моего правления повесить на этой виселице сотню еретиков!..

Но в эту минуту всеобщего беспорядка, смятения и ужаса палач Каплюш, тоже было бросившийся вслед за повозкой, но почти тут же вернувшийся на свое место у виселицы, дабы заняться приговоренным, издал отчаянный крик:

– Преступник бежал!..

Повозка безумным аллюром неслась к крутому склону. Маргарита, Жанна и Бланка, королева и принцессы, три сестры, обнялись, словно желая умереть вместе, но во взглядах их не было и намека на какую-либо боязнь смерти.

– Похоже, лошади мчат нас прямо к оврагу! – со странным спокойствием промолвила Жанна.

– Да, нам конец! – добавила Бланка.

– Жаль, что предстоит умереть, – сквозь зубы прошептала Маргарита, – ведь жизнь так прекрасна!

В ту же секунду они вздрогнули, затрепетали от надежды, мгновенно позабыв об угрожавшей им опасности, их вниманием завладел неслыханный маневр, что происходил перед их глазами.

Значительно опередив многочисленных всадников, тщетно – в силу тяжести доспехов – пытавшихся догнать повозку, некий юноша на быстром, словно молния, скакуне настиг коляску и теперь скакал вровень с правой из головных лошадей.

Действия его были ловки и стремительны, хотя и безумно опасны.

Немного отклонившись в сторону, он вцепился в гриву головной лошади, и уже в следующее мгновение, выпрыгнув из своего седла, оказался у нее на крупе...

Блеск лезвия, ужасное ржание – и, пораженная в грудь, соседняя в упряжке лошадь упала на колени, вынудив остановиться и трех прочих... И вот уже чудесным образом спасенные принцессы – спокойные, холодные, неподвижно сидящие на своих местах в повозке – странной улыбкой отвечают всаднику, Жану Буридану, который, спрыгнув на землю и, словно на параде, щелкнув каблуками и положив руку на гарду рапиры, склоняется перед ними в глубоком поклоне.

Отовсюду уже бегут люди, несутся радостные возгласы...

А Буридана уже и след простыл...

За те несколько секунд, которые им удастся провести в одиночестве, принцессы успевают склониться друг к дружке, обменяться пылкими взглядами и о чем-то пошептаться, обсудив нечто загадочное, но, судя по всему, весьма важное, так как распрямляются они уже дрожащие и мертвенно-бледные – они, которых не заставила побледнеть даже возможная смерть...

Первым у неподвижной повозки оказался всадник со смуглым лицом и насмешливым взглядом.

Королева, оглядевшись и увидев, что у нее достаточно времени, чтобы дать указания, в последний раз вопросительно посмотрела на сестер.

«Да», – отвечали ей те многозначительным взглядом.

– Страгильдо! – позвала Маргарита.

Всадник подъехал к повозке, наклонился, губы его растянулись в ироничной улыбке.

Едва слышно, дрожащим, запинаящимся голосом, королева спросила:

– Тебе знакомы те два вельможи, что выступили с обвинениями против Мариньи?

– Филипп и Готье д'Онэ? Да, Ваше Величество.

– А юноша, который вызвал Мариньи на дуэль?

– И который только что спас Ваше Величество?

– Да, он тебе знаком? – спросила королева, вздрогнув.

– Жан Буридан? Да, я его знаю, Ваше Величество.

– Страгильдо, – прошептала королева, – я хочу поговорить с этими тремя господами.

Разыщи их и приведи ко мне.

– Когда?

– Сегодня же вечером!

В этот момент, выкрикивая на ходу «ура!» и махая отстающим платками, к полуразвалившейся повозке подскакали с пару десятков всадников.

– Спасены, они спасены!

– Да здравствуют принцессы! Да здравствует королева!

Наклонившись ниже, Страгильдо, чья дьявольская ухмылка сделалась еще более ироничной, прошептал лишь одно слово:

– Куда?

И, приветствуя окружившую повозку толпу взмахом руки, награждая подданных улыбками, голосом еще более глухим, Маргарита Бургундская отвечала:

– В Нельскую башню!

IV. Отец Миртиль

Ла-Куртий-о-Роз окутывали вечерние сумерки. Кругом царили полнейшие безлюдье и тишина. С наступлением ночи смутные очертания Тампля выглядели еще более угрожающими, а силуэт замка походил на некоего подстерегающего добычу монстра.

Облокотившись на подоконник, Миртиль, с бьющимся сердцем, не сводила глаз с дороги, по которой должен был приехать отец; но иногда, помимо ее воли, взор девушки перемещался на зловещую крепость.

– Жийона, – прошептала Миртиль, – нужно будет попросить батюшку подыскать нам другое жилище; от одного взгляда на этот замок у меня кровь в жилах стынет...

– Что за глупости!.. Вы говорите так, словно вам еще три годика, моя дорогая! – промолвила Жийона, вымучив улыбку. – К тому же, теперь у вас и вовсе нет повода для беспокойства. Или вы забыли уже, что ваш милый Буридан теперь не только вне опасности, но и что он спас королеву... и за поступок сей, несомненно, будет щедро вознагражден королем?

– Да, это так, – задумчиво проговорила Миртиль. – Он спас королеву!.. Жийона... а это правда, что королева... столь красива, как поговаривают?

– Столь красива, что все придворные и даже многие городские буржуа так влюблены, что готовы пойти ради нее на любые безумства. Но в еще большей степени, нежели красотой, королева отличается благоразумием. И потом, кто посмеет заявить, что он влюблен в жену короля?

– Эта крепость меня пугает! – сказала Миртиль, опуская раму.

– В самом деле... вы так побледнели... и в глазах у вас стоят слезы... Полноте, чего вам опасаться, дитя мое? Разве я здесь не для того, чтобы вас оберегать? И потом, вот-вот приедет мэтр Клод Леско...

– Да... – возбужденно прошептала девушка. – И я попрошу его завтра же увезти меня отсюда... Никогда еще Тампль не производил на меня такого впечатления. Но, – добавила она, покачав очаровательной головкой, – скажи, Жийона, как ты думаешь: согласится ли батюшка отдать меня за Буридана?..

– Разумеется! – промолвила старуха. – Можно ли сыскать кавалера более во всех отношениях достойного и любезного, храброго и... впрочем, вы и сами сейчас в этом убедитесь, так как вот и мэтр Клод Леско собственной персоной!

– Наконец-то! – воскликнула Миртиль.

И она побежала к двери, дабы броситься на шею отцу, который действительно в этот момент переступил через порог. Клод Леско крепко прижал дочь к груди, запечатлев долгий поцелуй на ее чистом лбу.

– Позволь мне на тебя взглянуть... все так же красива! Или мне следовало сказать – стала еще более красивой?.. Дорогое мое дитя! Вот уж месяц, как я тебя не видел; знала бы ты, как часто я о тебе вспоминал!.. А ты? Вспоминала ли ты обо мне?

– Батюшка! Могла ли я не вспоминать о вас, о том, кому обязана всеми радостями моей жизни?.. О вас, который есть вся моя семья... ведь матушку я никогда и не знала!

Мэтр Леско чуть нахмурился, но, тут же взяв себя в руки, принялся раскладывать на столе привезенные подарки – шелковые шарфики, украшенные драгоценными камнями броши и кольца, – которые Миртиль разглядывала с простодушной радостью.

Расспрашивая Жийону, скидывая с себя ток⁴ и плащ богатого торговца, мэтр Клод Леско смотрел на дочь с улыбкой – такие искренние ее эмоции пришлись ему по душе.

⁴ Головной убор без полей, популярный в Европе в XIII–XVI веках.

То был мужчина лет сорока пяти, с грубыми чертами лица, холодными глазами, озабоченным лицом, жесткой и лаконичной речью, по всей видимости, привыкший командовать.

В минуты гнева эта физиономия, должно быть, была ужасна. Но в данный момент на ней можно было прочесть глубокую нежность, отражавшуюся в его глубоко посаженных черных глазах под кустистыми бровями.

С полчаса прошло во взаимных излияниях чувств, расспросах и ответах; затем, пока Жийона накрывала на стол, мэтр Леско опустился в большое кресло, усадил себе на колени дочь и смерил ее долгим взглядом.

Миртиль дрожала, краснела, трепетала, бледнела... Настал столь ужасный и столь приятный миг признания!

– Батюшка, – начала она, с тайной надеждой отложить это признание до завтра, – вы ведь пробудете дома хоть несколько дней?

– Нет, дитя мое. Более того, я не смогу провести с тобой и суток, как то было в мой последний приезд... Я вынужден буду уехать уже завтра утром, так что пробуду здесь лишь ночь, чтобы подышать с тобой одним воздухом... Когда тебя сморит сон, буду смотреть на тебя спящую... и, может быть, это видение, которое я увезу с собой, станет для меня хоть небольшим утешением в той нелегкой жизни, что я веду...

– О, батюшка! Но почему бы вам тогда не оставить эту вашу торговлю? К чему столько мучений, если вы и так можете быть счастливы? Разве вы не достаточно богаты?..

– Дела мои уже не так хороши, как раньше, – промолвил мэтр Леско мрачным голосом, и в черных глазах его вспыхнул огонь. – Перестань я сейчас заниматься торговлей, это будет провал, разорение, признание в беспомощности, а такого я допустить не могу!.. Горе, о, горе тем, кто подвел меня к краю пропасти!.. Я еще покажу, докажу им...

Клод Леско прервался, и ладони его сжались в кулаки.

Но почти тотчас же, тряхнув головой, словно для того, чтобы прогнать ужасные мысли, он поднял глаза на дрожащую дочь и наградил ее несказанно нежной улыбкой.

– Безумец, – пробормотал он, – какой же я безумец, что так тебя расстраиваю! Забудь все, что я сказал тебе только что, моя дорогая Миртиль... вскоре все уладится. Да, вскоре, надеюсь, я всегда смогу быть с тобой рядом... Ох, дитя мое, если бы ты знала, как я хочу, чтобы ты была счастлива!.. Среди самых богатых, самых лучших, даже самых благородных я выберу тебе жениха... и не красней ты так. Ты уже в том возрасте, когда девушке пора замуж. И, кстати, я знаю одного молодого человека, который...

Миртиль стала белой как полотно.

Она спрятала лицо у отца на груди, обвила его шею руками и, так как признание уже подступало к устам, пролепетала:

– Батюшка, милый и достойный мой батюшка, послушайте меня! Я должна попросить у вас прощения за то, что ослушалась вас...

Резко вскочив на ноги, мэтр Леско подвел Миртиль к свече, что горела в большом серебряном канделябре, отвел в сторону руки, коими она пыталась закрыть лицо, взглянул на нее внимательно и проворчал сквозь зубы:

– Значит, сюда кто-то приходил...

– Да, – выдохнула Миртиль едва слышно.

– И этот кто-то говорил с тобой... Вы виделись не единожды... Кто-то воспользовался моим отсутствием, дабы занять тебя разговорами... Кто-то, кого ты любишь!..

– Да, – повторила Миртиль.

Мэтр Леско опустил голову и с непередаваемой горечью прошептал:

– Это должно было случиться!.. Еще одной моей мечтой меньше!.. Но могу ли я на тебя сердиться, Миртиль? Я сам хотел подыскать для тебя достойного мужа. Но Богу не понравилось

бы, если бы я стал противиться твоим чаяниям. Я скорее умру, чем увижу, как ты плачешь по моей вине. Ну, Господь с ней, с этой моей мечтой-то. А слово я как дал, так заберу и обратно...

Миртиль разразилась рыданиями, так как по вмиг осунувшемуся лицу отца, по его дрожащему голосу она поняла, что, говоря так, он идет ради нее на небывалые жертвы...

– Батюшка, мой дорогой и высокочтимый батюшка, – проговорила она сквозь слезы, – да благословят вас Господь, Пресвятая Дева и ангелы за это доказательство вашей любви ко мне! Так как если я не выйду замуж за того, кого выбрало мое сердце, я, наверное, умру...

– Да, я вижу, я чувствую, как сильно ты любишь этого пока еще незнакомого мне юношу... Что ж, – промолвил мэтр Леско с глубоким вздохом, – будь по-твоему. Да и какая разница, в конце-то концов, если он тебя достоин!

– Еще как достоин, батюшка! И, даже не зная вас, он вас любит! И вы его полюбите, когда увидите. Он такой славный, нежный и веселый как ребенок... не знаю, дворянин ли он, но он так гордо носит шпагу, да и мысли его достойны самого благородного из вельмож! Сколько раз он приходил сюда, чтобы познакомиться с вами! Сколько раз искал с вами встречи!..

При виде такого счастья дочери мэтр Леско вскоре вновь заулыбался, и на лицо его вернулось нежное выражение.

Теперь, когда его мечты остались в прошлом, он думал лишь о том, как доставить радость этому обожаемому дитя.

К тому же, у него не было сомнений в том, что избранник Миртиль, натуры гордой, деликатной, склонной к доброте и великодушию, никак не мог оказаться человеком недостойным.

При каждом из этих слов он отчетливо понимал, что эта глубокая и безграничная любовь была невинной, что этот незнакомый ему юноша не позволил себе вольностей к его дочери. И в глубине души он и сам уже начинал любить его.

Вне себя от счастья, Миртиль покрыла лицо отца поцелуями. Теперь она без усталости говорила о своем возлюбленном, расписывая его и так, и этак, приводя самые незначительные его слова, рассказывая, как они познакомились, как полюбили друг друга...

– Прекрасно! – промолвил наконец мэтр Леско с лучезарной улыбкой. – Но это сокровище, этот единственный и неповторимый, этот дворянин, в конце концов, так как, судя по твоим описаниям, он может быть только дворянином, и из самых гордых, этот твой жених, – как зовут-то его? Ты так и не назвала мне его имени.

Рассмеявшись, Миртиль легонечко хлопнула себя по лбу.

– И как я могла забыть самое главное!.. Его зовут Жан Буридан.

– Что ты сказала? – вскричал мэтр Леско, внезапно сделавшись мертвенно-бледным.

– Батюшка, – испуганно пролепетала Миртиль, – я сказала: Жан Буридан... Так зовут моего жениха.

– Несчастная! – взвыл Клод Леско, резко отстранившись от дочери.

Обезумев от страха, Миртиль вжалась в спинку кресла, тогда как ее отец, воздев руки к небу в жесте угрозы и вызова, хриплым, ужасным голосом продолжал бушевать:

– Жан Буридан!.. Так вот кого ты любишь – Жана Буридана!..

Взрыв дикого хохота сорвался с его побелевших губ.

– Батюшка! Батюшка! – плакала Миртиль, вне себя от страха и тревоги. – Да что это с вами, батюшка? Придите в себя, умоляю! Ох, мое сердце сейчас не выдержит...

Мэтр Леско подошел к дочери, схватил ее за запястья и, склонившись над ней, прерывистым от рыданий или припадка ярости голосом прохрипел:

– А, так это Жана Буридана ты любишь? Говори! Жана Буридана? Несчастная! Да известно ли тебе, кто этот Жан Буридан? Известно ли тебе, кто он – этот человек, которого ты любишь?.. Нет, тебе, конечно же, не известно!.. Зато известно мне, и сейчас я тебе это скажу!..

В этот момент во внешние ворота ограды трижды постучали – судя по всему, то был условный сигнал, известный мэтру Леско, так как он тотчас же замолчал и сам бросился открывать.

– О, мой дорогой Буридан! – прошептала трепещущая от ужаса и отчаяния Миртиль и потеряла сознание...

Мэтр Леско был у ограды уже через несколько секунд.

Отворив ворота, он увидел человека, сидевшего верхом на лошади; под уздцы тот держал другого скакуна.

– Ты, Тристан? Здесь? – мрачно пробормотал Клод Леско. – Что случилось?

Человек наклонился к уху торговца фламандскими гобеленами и поспешно прошептал несколько слов, которые заставили последнего вздрогнуть.

– Я привел для вас лошадь, – закончил Тристан.

– Хорошо, – сказал Клод Леско, – жди здесь...

Вернувшись в зал, он не обратил никакого внимания на свою упавшую в обморок дочь, но, схватив за руку хлопотавшую над Миртиль старуху-гувернантку, ледяным голосом проговорил:

– Послушай, что я тебе скажу, Жийона... Я доверил тебе дочь. Из-за твоего недосмотра случилась беда, да такая, что хуже и не придумаешь: она любит человека, которого я убью или же который убьет меня. Жийона, ты заслуживаешь смерти...

– Боже правый! Мой добрый хозяин...

– Молчи и слушай. Если в точности выполнишь мои указания, считай, ты прощена...

– Что мне делать – броситься в огонь или...

– Молчи!.. Все, что от тебя требуется, – это подготовить все для того, чтобы я мог увезти дочь отсюда уже этой ночью. Я вернусь через два часа. Пока же запри двери на все засовы и натяни цепи... Если явится этот Буридан, не открывай! Не открывай ни единой живой душе! Даже если сам Господь постучится, не открывай! Это все, что мне от тебя нужно: присмотришь за Миртиль пару часов – заслужишь прощение; в противном случае – смерть... И чтобы через два часа для нашего с Миртиль отъезда все было готово!..

Не дожидаясь ответа старухи, мэтр Клод Леско, уверенный в том, что Жийона не осмелится ослушаться, устремился к воротам, запрыгнул на приведенную для него лошадь и во весь опор помчался по направлению к центру Парижа.

Вскоре он спешил у некоего дворца или, скорее, крепости, шепнул пароль караульным, миновал двор, поднялся по лестнице, быстро прошел через несколько пышных залов и очутился перед массивной дверью, возле которой находился секретарь.

При виде мэтра Леско тот проворно вскочил на ноги, распахнул дверь и громогласно объявил:

– Господин первый министр Ангерран де Мариньи.

У. Таинственная встреча

Совсем рядом с Лувром пролежала улица Фромантель, или, как ее еще тогда называли, Фруадмантель, – узкий проход, в котором едва могли разъехаться двое всадников. Не стоит забывать, что улицы в то время были всего лишь улочками, а улочки – узкими проходами.

Париж еще не был тогда красивым городом, каким ему предстояло стать позднее, при Франциске I. Городом, который расцветет всю лишь при Генрихе IV.

В ту далекую эпоху, когда правил Людовик Сварливый, Париж представлял собой беспорядочное нагромождение извилистых, причудливых, неровных, заплетающихся дорог, вдоль и поперек которых, зачастую закупоривая проезд, лепились дома, этакий непроходимый лабиринт, в котором ориентирами служили церквушки, принадлежащие тем или иным сеньорам особняки, позорные столбы и виселицы, бесформенное соединение кривых и нескладных домишек, налезających друг на друга, соприкасающихся островерхими крышами, выписывающими в воздухе шальной хоровод. В те годы основным принципом градостроения являлось всеобщее отрицание правил. Буйство фантазий и независимость царили такие, какие только можно себе представить. Толпа говорила о короле так, как, несомненно, сегодня не выразилась бы и о капрале. Впрочем, общество пребывало в состоянии постоянной войны; людей вешали за такие преступления, которые сегодня у того же капрала вызвали бы всего лишь улыбку. На всех этажах социальной лестницы – как наверху, так и внизу – одни нападали, другие защищались – вот как все было устроено.

Но вернемся к улице Фруадмантель. Итак, то была мрачная улица, или скорее улочка, среди крыш которой с трудом пробивались солнечные лучи, да и то лишь для того, чтобы упасть на грязную мостовую, где протекал ручеек, принимавший в себя бытовые нечистоты, которые ожидали, пока их сметет главный и единственный публичный дворник того времени – гроза.

Посреди улицы находился огороженный участок, в глубине которого возвышалось огромное и солидное строение. Участок этот был обнесен высокими стенами, которые, для большей безопасности, венчала железная, с перекрещивающимися прутьями, решетка в десять футов высотой.

В этом строении, а иногда и в его дворе, раздавалось время от времени пугающее рычание. Особенно летом, в дни, когда в воздухе пахло грозой, эти странные голоса объединялись в хор, наводивший ужас на всю округу...

В этом строении жили львы Его Величества!

Это строение было зверинцем, в котором содержалась дюжина великолепных хищников, коих король с удовольствием навещал вместе с королевой, любившей вблизи наблюдать за играми этих опасных животных.

Как бы то ни было, слева от обиталища львов высился построенный, вероятно, еще при Людовике Святом и с виду заброшенный старинный особняк, с его засыпанным рвом, полуразвалившейся крепостной стеной, всегда, на памяти соседей, закрытыми окнами, особняк, который когда-то, по всей видимости, был очень богатым, – в него-то мы и проведем читателя вечером того самого дня, когда у Монфокона Жан Буридан и его товарищи Филипп и Готьё д'Онэ бросили вызов Ангеррану де Мариньи.

Там, в довольно уютной комнате, выходящей окнами на загон со львами, за столом, на котором стояло несколько бутылок и три серебряных кубка, там-то мы и обнаружим троих этих достойных товарищей, коих я, с вашего позволения, и представлю, постаравшись, по возможности, быть кратким.

Буридан был строен, даже худощав, но прекрасно сложен. Карие глаза, скорее лукавые, нежели мечтательные или нежные, отважное, временами задиристое выражение лица, не самая

благожелательная и скорее насмешливая улыбка, едкая речь и резкие жесты – все это делало бы его похожим на обычного гуляку (а в то время улицы кишмя кишели задирами и искателями приключений), но тонкость черт и неосознанное достоинство манер несколько поправляли это представление. Он гордо носил шпагу и, возможно, не имел на это права в силу последних королевских указов, которые, под страхом смертной казни, предписывали всем буржуа, студентам и вилланам выходить без оружия, дозволяя ношение оружия лишь вельможам. Но если такого права у него и не было, он его взял, и все тут. Он всегда опрятно выглядел, хотя и было очевидно, что одежды свои он покупал по дешевке в лавках старьевщиков. Таков был Буридан чисто внешне. Что же касается его духовной стороны, то нам еще предстоит с ней познакомиться.

Филиппу д'Онэ могло быть лет двадцать шесть. То был молодой человек с мягким, глубокомысленным взглядом, чистейшей красоты лицом, изысканными манерами. Была в нем та меланхолия, что свойственна людям вспыльчивым, почти болезненным, так как он бывал крайне неистов в проявлениях чувств; среднего роста, очень стройный, он обладал изумительной элегантностью жестов, выправки и речи.

На два года моложе своего брата, более высокий, более крепкий по сравнению с Филиппом, Готье и в целом являл собой разительный контраст: с жизнерадостным лицом и лихо подкрученными усами, всегда готовый вступить в рукопашную, жуткий бабник и завсегдатай пользующихся дурной славой кабаков, он всегда был неряшливо одет, резок в жестах и не дурак приврать; с огромной рапирой на перевязи, поводя плечами, он расталкивал в стороны не слишком расторопных буржуа, шептал на ушко девушкам такие комплименты, от которых те краснели и спешили убежать, после чего врывался в какую-нибудь таверну, где, бранясь, сквернословя и говоря лишь об отрезанных ушах, разрубленных надвое головах и в решето продырявленных туловищах, переворачивал все вверх дном уже после полупинты гипокраса⁵. В сущности же, до того самого часа, когда мы знакомимся с ужасным Готье, он если и отрезал какие-то уши, то лишь свиные, которые затем сам и съедал в трактире «Флёр де Лис», что на Гревской площади. Свиные уши он обожал.

Теперь, имея более или менее сложившееся представление об этом трио, мы можем присоединиться к сему почтенному обществу, которому уготована важная роль в нашем рассказе.

– Гром и молния! – кричал Готье со смехом, от которого у него багровело лицо. – До чего же жалкий вид имел сегодня Мариньи! Да я с радостью рискну эшафотом или виселицей только для того, чтобы вновь увидеть его растерянную рожу!

– Полезай уж тогда лучше в котел с кипятком, коих хватает на свином рынке! – предложил Буридан, который, судя по всему, пребывал в невеселом расположении духа. – Это, конечно, очень прелестно, мои храбрые друзья, – то, что мы там сотворили; перед двором и народом Парижа мы высказали всю правду об этом кровопийце, грабителе, убийце бедных людей, стяжателе, не брезгующем запускать руку в государственную казну, этом... да всех его преступлений и не перечислишь! Да, мы бросили Мариньи вызов, и проделали это весьма лихо, что не может мне не нравиться, но...

– Вы уже сожалеете о том, что утром вели себя столь храбро? – мягко спросил Филипп д'Онэ.

– О, дорогой друг, как вы можете так думать?.. Нет, я ни о чем не жалею. Будь у меня возможность вернуться на несколько часов в прошлое, я бы вновь отправился с вами. И все же жаль будет, если трое красивых, ладно скроенных парней, которым еще наслаждаться и наслаждаться жизнью, потеряют головы на эшафоте!

– Полноте! – промолвил Готье. – Мариньи не посмеет. Весь Париж поднимется на нашу защиту. Буридан, мы не взойдем на эшафот, и головы наши останутся на наших же плечах.

⁵ Сладкое вино с добавлением корицы.

– Если только нас не повесят, или не колесуют, или с нас живьем не сдерут кожу, или не сожгут на Гревской площади, – да вы и сами знаете, что Мариньи располагает тысячами способов отправить человека на тот свет.

– К чему вы ведете, Буридан? – спросил Филипп.

– К тому, что Мариньи, вне всякого сомнения, уже приговорил нас к смерти, как приговорили его к смерти мы, и что теперь речь идет о том, чтобы обороняться... Мы атаковали – ответ будет ужасным; мы атаковали с открытым лицом, среди бела дня, – нам ответят ночью, вероломно... мы вступили в войну, в которой никому не будет пощады.

– Ха! Да какая разница, Буридан, что там придумает Мариньи! Мы высказали ему все, что было у нас на сердце, честно предупредили о нашем намерении добиваться для него правосудия. Мы предложили ему сражение. Скажу за себя: мне после этого заметно полегчало. А вы в особенности должны быть счастливы... Вы, удаче которого я так завидую... Вы, человек, который ее спас... который говорил с ней, видели ее вблизи...

– О ком это вы все говорите? – спросил Буридан.

– О королеве! – глухо отвечал Филипп д'Онэ, заметно побледнев.

– В сущности, – заметил Готье, наполняя кубок, – королева должна нас защитить, так как мы ее спасли. Я говорю «мы», потому что Буридан – это мы, а мы – это Буридан; не может быть, чтобы госпожа Маргарита проигнорировала сей факт.

Буридан схватил Филиппа д'Онэ за руку.

– Стало быть, – проговорил он, – эта злополучная страсть вас так и не отпустила?

– Что вы, Буридан! Более того – она так глубоко засела в моем сердце, так глубоко, что делает меня несчастнейшим из живущих! – отвечал Филипп, едва сдерживая рыдания.

– Выпей! – предложил Готье примирительным тоном. – Я вот, когда замечаю, что влюблен, всегда пью до тех пор, пока не валяюсь под стол; просыпаюсь же ничего не помня, совершенно излечившимся. Сам увидишь, как это просто!

Филипп сперва оттолкнул протянутый братом кубок, затем схватил его с неким неистовством, залпом выпил, чтобы налить себе еще, и снова выпил, словно надеялся утопить в вине свое отчаяние.

– Разрази меня гром! – восторженно возопил Готье.

– Буридан, – продолжал Филипп, конвульсивно сжимая руку молодого человека, – вы назвали мою страсть злополучной – таковой она и является, так как я от нее умираю. Стоит мне лишь подумать о том, что я был так безумен, чтобы полюбить королеву Франции, как мне хочется разбить себе голову о стену или проткнуть себе сердце кинжалом, дабы вырвать из него это величайшее страдание – мою любовь! Знайте же, Буридан, знайте, что я готов умереть за одну лишь ее улыбку! Знайте же, о, знайте! Прикажи она мне простить убийцу моих родителей, я в ту же секунду забуду о них и даже проникнусь к Мариньи любовью! Знайте же, что сегодня утром, чтобы заполучить хоть что-то, принадлежащее ей, я пробрался сквозь кордон охраны, который выставили у ее повозки после ее отъезда, и украл этот забытый на подушках шарфик, этот шарфик, который я теперь ношу на груди и который обжигает мне сердце! Знайте же, что ее обожаемый образ преследует меня всегда и повсюду, сплю ли я, бодрствую ли, я чувствую, что мало-помалу угасаю, так как знаю, что этот образ – это все, что я когда-либо буду от нее иметь!..

Филипп д'Онэ закрыл лицо руками и застонал.

– Клянись рогами, – прорычал Готье, – я и сам сейчас зареву белугой! Хе! Какого черта! Хочешь, я схожу ее поищу, твою Маргариту? Сбегаю в Лувр, схвачу ее и принесу тебе!.. Впрочем, не вижу, что в этом такого ужасного – быть влюбленным? Я вот, если хотите знать, тоже влюблен!

– И сколько уже минут? – поинтересовался Буридан.

– По правде сказать, уже несколько часов, – с самого утра.

– И в кого же вы влюблены, мой славный Готье?

– В принцесс Жанну и Бланку, – и глазом не моргнув, отвечал Готье.

– Сразу в обеих?..

– Ну да. Почему нет, когда они обе одинаково прекрасны? И потом, раз уж мой брат влюблен в королеву, самое меньшее, что я могу сделать для восстановления баланса, – полюбить двух принцесс.

Буридан утвердительно кивнул, соглашаясь с этой любовной арифметикой.

В этот момент на дворе раздался громогласный рык, и мужской голос прокричал:

– Брут, Нерон, успокойтесь! Или по вилам соскучились?

– Это еще что такое? – спросил Буридан.

– Да это львы королевы балуются, – пояснил Готье, – а сторож, досточтимый Страгильдо, их отчитывает. И да падет на меня кара Господня, если голоса этих зверюг не нравятся мне больше, чем голос этого человека!..

– Буридан, – промолвил Филипп, – вы слышали, как рычит лев? Так вот, представьте, что это голос любви в моем сердце. Эти хищные звери, Буридан, – я им завидую, я нахожу их более счастливыми, чем я, так как она приходит посмотреть на них, ласкает их взглядом, говорит с ними нежно... А я, стоя у этого окна, плачу оттого, что я всего лишь человек...

– Да, человек! – произнес Буридан. – И постарайтесь таковым и оставаться, Филипп! Я знаю, что такое *любить*. И, полагаю, если бы та, которую я люблю, не могла быть моею, я тоже был бы несчастлив. Но также мне кажется, что при этом я не забыл бы об опасности, которой подвергаются мои друзья.

– Вы правы! – возбужденно воскликнул Филипп. – Я забываю, что с сегодняшнего утра мы связаны единой судьбой, и что я вам обязан... Простите меня, друг... Мы вступили в ужасную борьбу, и прежде даже чем думать о смерти, нужно сражаться!

– Вот такой вы мне нравитесь больше – отважный, готовый противостоять опасности, способный померяться силами с Мариньи! Нет сомнений, что Мариньи не явится в Пре-о-Клер, но так же несомненно и то, что он пошлет туда внушительное количество сборов и лучников, чтобы нас арестовать, так как он отлично знает, что мы-то туда непременно придем. Так вот: будьте начеку, так как у меня нет ни малейшего желания сгнить в Шатле или Тампле, и я, в качестве защиты, готовлю нечто такое, о чем, уверяю вас, будет говорить весь Париж!

– Разрази меня гром! – восторженно проревел Готье.

– Сегодня же вечером я встречаюсь с несколькими бравыми парнями. В Пре-о-Клер мы отправимся в сопровождении людей, способных повергнуть в страх и самого короля в Лувре!

– Ха-ха! – воскликнул Готье, ударив кулаком по столу. – Похоже, нас ждет небольшая стычка! И мы немного поощиплем перышки этим господам из стражи! Дьявол и преисподняя! Я не я, если мне одному не удастся отправить на тот свет с два десятка этих мерзавцев и скормить их уши их же уцелевшим товарищам!..

– Прощайте же! – сказал Буридан, вставая из-за стола. – Если мы удивили Париж, бросив Мариньи вызов, мы удивим его еще больше, когда явимся в Пре-о-Клер. Ну а пока – не позволяйте себе никаких опрометчивых поступков; ни ради того, чтобы увидеть королеву, Филипп, ни ради того, чтобы полюбоваться на принцесс, Готье! Если куда выходите – выходите вооруженными до зубов! Если идете в кабак – пусть хозяин первым пригубит вино, которое разливает! Если кто-то заговорит с вами на улице – обнажите шпагу и лишь потом отвечайте. Ни для кого ведь не секрет, что яд и кинжал – любимые оружия Ангеррана де Мариньи, и будь этот человек способен убивать на расстоянии посредством мысли, мы бы уже давно были мертвы!

Стоило Буридану ступить за порог, как Готье бросился к двери, дабы натянуть цепь и опустить засов.

Но именно в нее, в эту дверь, вскоре и постучали!

Готье д'Онэ отличался не меньшей храбростью, чем его брат или Буридан, но тут он почувствовал, как по спине пробежали мурашки. После слов Буридана этот неожиданный визит в сей заброшенный особняк – и откуда, черт возьми, кому-то известно об их присутствии здесь? – поверг Готье в суеверный ужас.

– Кто там еще? – спросил он.

– Тот, кто желает поговорить с мессирами Филиппом и Готье д'Онэ по одному важному делу.

– Идите к черту! – пробурчал Готье.

– Открой! – холодно произнес Филипп.

Вытащив кинжал, Готье отпер дверь. Незванный гость – в маске и капюшоне – глубоко поклонился с ироничным почтением.

– Как вы узнали, где мы будем этим вечером? – спросил Филипп, тщетно стараясь разглядеть черты лица незнакомца.

– Неважно! Главное – я нашел вас!

– Входите...

– Это лишнее. Я здесь лишь для того, чтобы передавать вам несколько слов...

– Говори же, будь ты сам дьявол, явившийся утащить нас в преисподнюю! – проворчал Готье.

Человек вздрогнул.

– Говорите, друг мой, – молвил Филипп.

Наклонившись к ним, незнакомец прошептал:

– Вам угрожает ужасная опасность, смертельный враг отслеживает каждый ваш шаг. Хотите избежать сей опасности? Хотите сразить этого врага?

– Догадываюсь, о чем и о ком вы говорите. Но от чьего имени вы пришли?

– От имени одной могущественной персоны, которая видела вас сегодня утром у Монфокона и которая всей душой ненавидит того, кого ненавидите вы. Если хотите отомстить за ваших убиенных родителей, приходите к десяти часам вечера на берега Сены и ступайте за тем, кто скажет: «Мариньи», и кому вы ответите: «Монфокон».

– И на каком берегу Сены мы его найдем?

– У Нельской башни!

С этими словами незнакомец отвесил второй, еще более глубокий поклон и исчез в глубине шаткой лестницы старинного особняка д'Онэ, оставив братьев в изумлении.

* * *

Покинув друзей, Буридан по улице Фруадмантель направился к Центральному рынку.

Но не прошел он и десяти шагов, как некая женщина, появившаяся невесть откуда, подошла к нему, коснулась его руки и прошептала:

– Добрый вечер, Жан Буридан!

Рука Буридана метнулась к кинжалу; он поспешно огляделся, но, увидев, что улица совершенно пустынна, вновь обратил свой взгляд на заговорившую с ним незнакомку.

Та приняла все меры предосторожности для того, чтобы не явить ему своего лица – на голове капюшон, лицо скрыто маской.

– Вот так дела! – промолвил Буридан. – Уж не колдунья ли ты, раз знаешь мое имя?

– Возможно, – глухо отвечала женщина.

– Ба! И что же тебе от меня нужно? Если хочешь позвать меня на какой-нибудь шабаш, против коих я ничего не имею, то я просил бы тебя немного обождать с этим предложением, так как сейчас я очень спешу...

– Буридан, – сказала женщина, – ты ведь хочешь восторжествовать над Мариньи? Хочешь держать в своей власти этого врага, который никогда тебя не простит, который отслеживает каждый твой шаг, который уже приказал бы схватить тебя, не заступись за тебя сегодня одна могущественная персона?

– Восторжествовать над Мариньи! Конечно, я этого хочу!

– Ты беден, Буридан, и будущее твое туманно. Хочешь в один миг заполучить и состояние, и почести?

– Еще бы не хотеть! Я весь внимание, милейшая. Говори.

– Так вот: эта могущественная персона, о которой я упомянула, ждет тебя сегодня вечером, в половине одиннадцатого; приходи в это время на то место, которое я тебе укажу, и ты увидишь там человека, который произнесет: «Мариньи». Отвечай ему: «Монфокон».

– И куда же мне следует явиться?

– К Нельской башне.

И незнакомка, присев в реверансе, удалилась – быстрая, бесшумная, словно призрак.

Проследуем же ненадолго за ней.

Мимо часовых, кои проводили ее уважительными, но в то же время несколько боязливими взглядами, она прошла в Лувр, пересекла несколько дворов и, оказавшись у потайной лестницы, поднялась в галерею, в глубине которой находилась оратория, где, бледная и взволнованная, ждала ее другая женщина.

– Ну как? Ты сделала то, о чем я просила, Мабель? – с дрожью в голосе спросила обитательница молельни.

– Да, Ваше Величество, – отвечала та, которую звали Мабель.

Едва заметно кивнув в знак благодарности, величественная, одной рукой пытающаяся унять биение сердца в трепещущей груди, королева Маргарита Бургундская покинула ораторию.

Мабель смотрела вслед королеве, пока та не исчезла за дверью.

Тогда таинственная женщина откинула капюшон и сняла маску, открыв лицо – холодное, казавшееся почти безжизненным, если бы не огонь, горящий в ее глазах.

– Ступай, безумная королева! – прошептала Мабель. – Доверяй мне и дальше. Позволь втянуть тебя в расставленные мною сети! Придет время – и всего по одному моему слову, одному жесту твоя прекрасная головка падет под топором палача!.. Но прежде ты выстрадаешь то, что, по твоей милости, выстрадала я! Вот станешь ты матерью, каковой когда-то была я... и тогда...

Она не сдержала рыданий.

Медленно поднесла эта женщина обе руки к увядшему лицу и долго еще оставалась на том же месте – неподвижная, погруженная в воспоминания.

Окажись кто рядом, он бы услышал как, сквозь рыдания она прошептала:

– Этого Буридана зовут Жаном... Моего малыша тоже так звали...

VI. Ангерран де Мариньи

Отец Миртиль, которого мы видели в спешке покидающим Ла-Куртий-о-Роз, вошел в большую залу. Вошел уверенной походкой человека, привыкшего видеть, как с его появлением все склоняют головы.

Перед самым Лувром он запросто избавился от плаща, который надел, отправляясь в Ла-Куртий-о-Роз, получил обратно от Тристана, явившегося за ним слуги, тяжелую шпагу с мощной железной крестообразной гардой и закрепил на португее.

Ангерран де Мариньи направился напрямик к группе, что стояла в глубине комнаты.

Там был бледный и взволнованный Людовик X. Там был улыбающийся победоносной улыбкой граф Карл де Валуа. Там были коннетабль Гоше де Шатийон, Жоффруа де Мальтруа, капитан королевской стражи Юг де Транкавель. Там были другие сеньоры – столпившись вокруг стола, все они рассматривали некий ларчик, в ужасе качая головами.

– Сир, – промолвил Ангерран де Мариньи, – я прибыл по приказанию Вашего Величества.

– Пресвятая Дева! Я жду вас уже больше часа, сударь!

– Извольте меня извинить, Ваше Величество. Я находился вдали от дома. Узнав от слуги, что король требует меня по важному делу, все оставил – и вот я здесь.

Мариньи ждал, положив руку на гарду своей военной шпаги, и внимательным взглядом обводил присутствующих. Все отвернулись, за исключением Жоффруа де Мальтруа, который посмотрел первому министру прямо в глаза и сделал едва заметный знак. При этом знаке Мариньи побледнел, но нахмурился, встав в вызывающую позу.

Король Людовик, которого парижские буржуа прозвали Сварливым, ходил взад и вперед по комнате, бормоча глухие проклятья. По пути он наткнулся на столик, заставленный дорогой стеклянной посудой; резкий удар ногой – и столик отлетел в сторону вместе со всем, что на нем стояло. Подойдя к окну, король ткнул кулаком в витраж, цветные стеклышки разлетелись вдребезги, рука закровоточила, и Людовик X принялся браниться, изрыгая глаголы, которым поразились бы и рыбаки на Сене.

– Клянусь потрохами дьявола! – возопил он. – Проклятой утробой матери, которая меня родила! Есть ли на свете король более несчастный, чем я? Меня хотят вероломно убить, хотят, чтобы я сдох, как какая-нибудь падаль на углу Гревской площади!

Последовал новый поток брани, сопровождавшийся ударами ногой по креслам и предметам гарнитура, а также по-прежнему кровоточащей рукой по всему, что под эту руку попало.

Через несколько минут королевский кабинет был опустошен, словно по нему пронеслась шайка мародеров: стулья опрокинуты, фарфор разбит на мельчайшие кусочки, занавески порваны в клочья...

Спокойный и степенный, Мариньи ожидал окончания этого приступа ярости.

Наконец Людовик X подошел к первому министру, скрестил руки на груди и проворчал:

– Известно ли вам, что происходит, сударь?

– Сир, – проговорил Мариньи, – Париж в радости, королевство спокойно – вот что происходит. Прочего, если таковое есть, я не знаю.

– Вы не знаете! Вы, которому следовало бы знать! Не знаете, что меня хотят уничтожить! Вот уже час как я твержу вам об этом! Подойдите! Взгляните! – добавил Людовик, увлекая Мариньи к столу, над которым склонились свидетели этой сцены.

Мариньи увидел ларчик, а в нем, словно в гробу, покрытую королевской мантией восковую фигурку с воткнутой в сердце иглой.

Первый министр взял фигурку в руки и внимательно рассмотрел.

– Знаете, что это?! – вскричал Людовик X.

– Да, сир: жалкое колдовство, из тех, что делают ведьмаки и ведьмы, проклятая раса, от которой мы должны очистить Париж и королевство. Похоже, эта кукла была изготовлена против Вашего Величества.

Граф де Валуа подошел к королю и прошептал тому на ухо:

– Вы слышите, сир?

– Да это же само собой разумеется.

– Произнес уловивший эти слова Мариньи. – Даже и спорить не о чем. Нужно быть врагом короля, чтобы не разглядеть в этой фигурке проклятие, призванное убить Ваше Величество...

Первый министр бросил на Валуа смертельный взгляд и добавил:

– А разве у монсеньора графа, дяди короля, имеются на сей счет сомнения?

Валуа, в свою очередь, наградил Мариньи не менее вызывающим взглядом:

– Ни малейших. Более того: именно я, а не вы, кому надлежит этим заниматься, предупредил моего дорогого короля и племянника о ненавистном заговоре, который плетут против него колдуны и колдуньи.

Мариньи заскрежетал зубами. Он уже готовил какой-либо сокрушительный ответ, когда Людовик X, положив руку на плечо министра, смерил его взглядом, в котором сквозило подозрение.

Мариньи понял эти подозрения. И похолодел до мозга костей, так как подозрения эти, не сумей он их опровергнуть, означали не только крах, разорение, но и смерть, допрос, ужасные пытки, коим подвергаются все цареубийцы.

– Мариньи! – сказал Людовик X со степенностью, от которой свидетели этой сцены содрогнулись тем более, что в ней не было присущих королю гнева или ярости. – Мариньи, вы готовы поклясться в том, что не знали о существовании этого святотатства?

Мариньи низко поклонился. Затем, распрямившись во весь рост, громким голосом произнес:

– Дворяне, сеньоры, герцоги и графы, здесь присутствует человек, который сотню раз рисковал своей жизнью и тысячу – своим состоянием, служа прославленному Филиппу, отцу нашего выдающегося короля! В сражениях против врагов Франции этот человек проливал свою кровь, не жалея ни капли! В дни, когда король в испуге замечал, что его сундуки пусты, этот человек продавал все, вплоть до последней драгоценности, чтобы дать королю золото, и не считал оно! Этот человек лихорадочно работал ночами, дабы король мог спать спокойно! Этот человек освободил короля от тамплиеров! Этот человек вынудил восставший Париж просить у короля прощения!.. Если бы Его Величество Филипп поднялся из могилы, в которую мы его опустили с месяц назад, если бы Филипп Красивый, зная, что происходит в его Лувре, вошел сюда, он бы посмотрел вам всем в лицо и прокричал: «Кто здесь смеет подозревать верного слугу монархии? Кто смеет требовать от Мариньи клятвы в том, что он предан своему королю?.. Пусть этот человек возьмет слово! Пусть скинет маску! И, клянусь Господом нашим, если таковой найдется, он больше не жилец на этом свете!..»

Говоря так, Ангерран де Мариньи наполовину вытащил из ножен кинжал и, величественный, прекрасный в своем отважном порыве, испепелил Валуа взглядом.

Граф попятился, побледнев от ярости; присутствующие сеньоры содрогнулись.

– Клянусь смертью Господней! – воскликнул Жоффруа де Мальтруа. – Если при французском дворе существуют такие подозрения, нам остается лишь переломить надвое шпаги и постриться в монахи!

– Так и есть! Именно! – загалдели другие. – Сир, Ангерран де Мариньи – столп королевства!..

Но неистовая апострофа первого министра уже произвела свой эффект на Людовика X, рассеяв все его сомнения.

– Твоя правда, Мариньи, – сказал он, – ты вне подозрений, и вот моя рука!

Ангерран де Мариньи преклонил колено, схватил королевскую руку и поцеловал ее.

Граф де Валуа выдавил из себя улыбку, в которой явственно читалось: «Мы еще не закончили!»

– Сир, – произнес Мариньи, поднимаясь на ноги, – я сегодня же ночью перетряхну все подозрительные дома, где могут обитать колдуны и колдуньи, и уже завтра виновные предстанут перед судом.

– В этом нет необходимости! – проговорил Валуа.

То было всего лишь слово, произнесенное спокойным голосом. И тем не менее это слово заставило Мариньи вздрогнуть. Необъяснимый страх закрался к нему в сердце.

– Нет необходимости? И почему же? – спросил он.

– Как первый министр, – пояснил Валуа, – вы должны понимать, что раз уж я обнаружил эту фигурку, то, должно быть, знаю и ту колдунью, которая ее изготовила... Сир, если позволите!.. Раз уж эта колдунья – в наших руках, то почему бы нам не опробовать ту великолепную виселицу, что была воздвигнута по приказу первого министра... виселицу Монфокон?

– Колдунья? – изумился Мариньи. – Так это женщина?

– Девушка! – промолвил Валуа, сопроводив это слово взглядом, какой бывает у тигра, забавляющегося со своей добычей.

Нечто вроде одного из тех мрачных предчувствий, что вдруг обуревают нас, острой иглою поразило Мариньи прямо в сердце.

«Девушка», – прошептал он машинально.

А Валуа, с налившимися кровью глазами, с триумфальной улыбкой, еле сдерживаемой в уголках губ, продолжал:

– Девушка, проживающая неподалеку от Тампля, этой обители проклятых колдунов, что были сожжены по-вашему, Ангерран де Мариньи, приказу! Девушка, проживающая в небольшом владении, которое называется Ла-Куртий-о-Роз!.. Девушка, которую зовут Миртиль!..

У Ангеррана де Мариньи подкосились ноги.

Он поднес руки к вискам, глухой стон сорвался с его бледных губ, и он поднял на своего противника растерянные глаза – глаза, просившие о пощаде!.. Мариньи признавал свое поражение!.. В этом безотчетном жесте заключалась вся его обращенная к Валуа отчаянная мольба.

Валуа же, скрестив руки на груди, капля по капле испивал этот желчный и приятный напиток победы. Это длилось не более чем мгновение. Мариньи уже приходил в себя. План в его голове созрел с головокружительной стремительностью.

Получив – а так оно, несомненно, и будет – приказ арестовать колдунью, он явится за дочерью и убежит вместе с ней! О том, чтобы попытаться снять с нее обвинения, в те мрачные годы чудовищных суеверий не могло быть и речи; то была затея не менее безумная, чем попытка пролить солнечный свет в полночь.

Немыслимым усилием воли отец приказал сердцу остыть, нервам – успокоиться, мышцам – расслабиться, а лицу – не выказывать даже удивления.

– Ну, – проговорил Людовик X, – что ты об этом думаешь, Мариньи?

– Сир, – голосом спокойным и твердым отвечал отец Миртиль, – я думаю, что столь ужасное преступление заслуживает скорейшего и не менее ужасного наказания. Когда дьявол поднимает голову, Богу не следует медлить со своим гневом! Через час колдунья будет арестована.

– Но кто ее арестует? – спросил Людовик. – Нужно быть чертовски смелым человеком, чтобы вот так, запросто, войти в жилище колдуньи.

– Я, сир! – промолвил Ангерран де Мариньи.

Король взглянул на Карла де Валуа, словно говоря: «Вот видите, сколь несправедливы были ваши подозрения!»

– Сир, – возразил Валуа, – это ведь я раскрыл колдовство и заговор. Полагаю, я заслужил честь арестовать колдунью лично. Это мое право. И если, проявив несправедливость, вы откажете мне в этом праве, то даже под пытками я не скажу, где находится вторая подобная фигурка, изготовленная этой ведьмой.

– Справедливо! – воскликнул король, которому сделалось нехорошо уже от одной мысли о том, что существует и вторая фигурка, угрожающая его жизни. – Более чем справедливо! Ступайте же, граф де Валуа!

Застыв на месте, в отчаянии ломая руки, Мариньи спрашивал себя, как быть: то ли вцепиться врагу в горло и удавить его, то ли броситься к выходу, дабы оказаться в Ла-Куртий-о-Роз прежде графа.

В этот момент Карл де Валуа добавил:

– Я вернусь через два часа, сир, и отчитаюсь в своей миссии. А пока же, я хотел бы просить вас приказать запереть ворота Лувра, чтобы никто не мог ни войти сюда, ни выйти отсюда, даже вы, сир, чтобы не способствовать действию разрушительных чар, в противном случае...

– Господа, – перебил Людовик X, – до возвращения графа все вы – пленники. Капитан, прикажите запереть ворота и опустить подъемные мосты.

Юг де Транкавель бросился исполнять указания. Валуа тем временем удалился.

«Что делать? – думал Мариньи, у которого от обрушившихся на него несчастий уже голова шла кругом. – Что сказать? Как ее спасти?»

– Господа, – продолжал король, – вы, или скорее, все мы – пленники в Лувре, но, клянусь Пресвятой Девой, я не допущу, чтобы эти два часа нашего здесь заточения прошли в атмосфере грусти и печали. Мы проведем их, наслаждаясь добрым брийским вином, коего полно в моих погребах! Кто любит меня, ступайте следом!

Людовик X направился к просторному залу для пиршеств.

Мариньи сделал несколько быстрых шагов и встал перед королем как истукан.

– В чем дело? – спросил Его Величество, нахмурившись.

Ангерран де Мариньи был бледен как привидение; этот могущественный человек, нагнавший страх на все королевство, сейчас сам дрожал как осиновый лист, взгляд его был растерян; он понимал, что стал жертвой рокового стечения обстоятельств, что ничто не может спасти его дитя. Жутким видением уже вздымался перед ним костер, в который бросают окровавленный труп четвертованной колдуньи!

Колдунья! Миртиль!.. Этот нежный и наивный ребенок?! Его любимая дочь... Луч солнца в его беспокойной жизни!..

Он подыскивал слова, чтобы сказать, чтобы объяснить, умолять, но с уст его сходили лишь хриплые, неразборчивые звуки. Крупные слезы медленно текли по его щекам, теряясь на губах.

– В чем дело? – повторил король.

Мариньи с глухим звуком упал на колени.

Он делал невероятные усилия, чтобы заговорить, чтобы закричать о том, о чем вопил его мозг, но не мог выразить эти простые слова, звучавшие в его голове:

«Это моя дочь, сир... Эта колдунья, эта Миртиль – моя дочь! Моя дочь, понимаете?! Из всего мира у меня осталась лишь ее улыбка! Один лишь взгляд ее таких нежных глаз! Сир! Сир! Та, которую вот-вот арестуют, – моя дочь! Та, кого вы собираетесь передать в руки палача, – моя дочь!»

Да! Все кричало, рвалось у него внутри, тогда как с побелевших губ слетал лишь неотчетливый шепот, непонятное бормотание.

– Так вы будете говорить, мессир де Мариньи? – разозлился Людовик X.

Мариньи поднял к королю свое бледное лицо, поднял свои дрожащие руки и уже намеревался заговорить, когда дверь открылась, и секретарь звонким голосом объявил:

– Ее Величество королева!..

Мариньи рывком вскочил на ноги. Его пылающий взгляд повернулся к вошедшей в залу Маргарите Бургундской, и его внутренний голос прокричал:

«Проклятие! Сказать это перед королевой! Невозможно! Перед королевой... Перед матерью Миртиль!..»

* * *

– Сир, – пробормотал Мариньи, растерянно глядя себе под ноги, – я лишь хотел извиниться перед Вашем Величеством за свой безрассудный монолог...

– А, так ты признаешь, милейший Мариньи, что тебя немного занесло? Что ж! Тогда да, ты прощен, тем более что ты был прав, а я ошибался, когда сомневался – нет, не в твоей неверности, но в твоей бдительности. Но не будем больше к этому возвращаться!

И, обойдя его, король живо устремился навстречу сопровождаемой фрейлинами королеве. Едва переводя дух, с выступившим на лбу ледяным потом, Мариньи смотрел на Маргариту Бургундскую. Внезапно на него снизошло озарение.

И в эту трагическую секунду лучик надежды осветил это измученное сердце!

«Маргарита! О, Маргарита! – прошептал он про себя. – Я не хотел тебе говорить, где твоя дочь... наша дочь... плод нашей юной любви!.. Сколько раз ты валялась у меня в ногах ради того, чтобы ее увидеть!.. А я был решительно настроен никогда тебе этого не позволить, Маргарита! Я боялся. Что ж, ты все узнаешь. Я скажу тебе, где твоя дочь. Так как если даже Господь не в силах спасти Миртиль, обвиняемую в колдовстве, ты, Маргарита, ее спасешь! Ведь ты ее мать!»

И он внимательно принялся вслушиваться в то, что говорила королю Маргарита Бургундская:

– Сир, мне стало известно про ужасный заговор, который готовила против священных дней Вашего Величества некая колдунья. Я пришла сообщить королю, что эту ночь я решила провести в молитвах за него...

– Ах, сударыня, – воскликнул Людовик, целуя руку супруги, – никогда еще, это верно, я так не нуждался в молитвах. Благодарю вас и благословляю, так как если чей голос и может дойти с земли до Господа нашего, то только ваш, сударыня.

– Я всю ночь буду в своей молельне. Не желая, чтобы в этих обстоятельствах меня кто бы то ни было беспокоил, я буду весьма признательна, если Ваше Величество с уважением отнесется к моему уединению.

– Ступайте, сударыня, – промолвил король, глубоко тронутый подобной заботой, – я распоржусь, чтобы никто, под страхом смертной казни, не приближался к галерее оратории.

Королева присела в одном из тех медленных, грациозных и величественных реверансов, секрет которых, похоже, был известен лишь ей одной. Затем, пройдя между двумя рядами застывших в поклоне сеньоров, она удалилась той мягкой, гордой и победоносной походкой, коей, должно быть, ходила по склонам Олимпа Афродита.

В полном расцвете восхитительной красоты своего тридцать второго года, Маргарита (которая, к слову, была на семь лет старше Людовика) выглядела еще более молодой, чем окружавшие ее юные фрейлины, и более полную гармонию соединившихся в этой красоте грации и пластичности невозможно было даже себе представить.

Людовик X проводил ее восторженным взглядом.

Затем со вздохом промолвил:

– Пойдемте же выпьем, милейшие!

* * *

По истечении получаса Ангеррану де Мариньи удалось незаметно от короля покинуть пиршественный зал.

Вероятно, первому министру были известны окольные пути этого весьма путанного сплетения бастионов, дворов, улочек и подъемных мостов, коим был тот Лувр, о котором современный Лувр не дает никакого представления. Каким бы великолепным и грандиозным он ни был, Лувр современный – всего лишь дворец. Старый же Лувр являлся городом в городе. Лувром, защищенным высокими и мощными стенами, окруженным глубоким рвом, наполненным водой, испещренным угрожающими башенками, заключающим за своими широкими укреплениями все то, что было необходимо для существования двух тысяч его обитателей, – от мельницы до пекарни. Лувр был миром, в который мы проводим читателя.

И Мариньи знал этот мир.

Вместо того чтобы отправиться в галерею, в глубине которой находилась молельня королевы, Мариньи спустился вниз, пересек несколько дворов, прошел в заднюю часть покинутого им строения, поднялся по лестнице к тайной двери и, запыхавшийся, постучал трижды.

По прошествии пары минут дверь открылась и Мариньи вошел.

Он оказался в личных покоях королевы!

Его встретила немолодая уже женщина. Набросаем в общих чертах портрет этой особы, которую мельком мы уже видели и которой предстоит сыграть одну из главных ролей в нашем рассказе: высокая, плотная, с бесстрастным выражением лица и теперь совсем потухшим взором, она, должно быть, страдала от некоего загадочного и неизлечимого горя; обычно она носила бархатную маску, в чем тогда не было ничего удивительного, и была одета во все черное, словно носила вечный траур. Стало быть, именно эта женщина и открыла Мариньи.

– Мабель, – глухо промолвил первый министр, – я хочу видеть королеву!

– Невозможно, королева молится!

– Речь идет о моей жизни, Мабель! Сходи, предупреди Маргариту, скажи, что с ней сейчас же хочет поговорить Ангерран! Ступай же скорее, несчастная!

Видя, что женщина не настроена повиноваться, Мариньи подскочил к двери, резко ее открыл, бегом пересек несколько спален и проник наконец в строго обставленную комнату, где на стене висел лишь большой образ Иисуса, а в ногах у Спасителя стояла скамеечка для моления.

То была оратория королевы.

Мариньи вскричал от испуга, оглядевшись по сторонам.

Комната была пуста!..

Только теперь он все понял. Словно пьяный, с поникшей головой, министр вернулся к той, кого назвал Мабель.

– Так королева не в Лувре? – пробормотал он.

– Нет, – холодно молвила женщина в черном.

– Послушай. Посмотри на меня. Ты знаешь, кто я, что собой представляю, какими ужасными тайнами обладаю, сколь громадное вознаграждение могу тебе предложить. Скажи мне, где королева?

– Нет, – качнув головой, повторила Мабель.

Мариньи на какую-то долю секунды вскинул кулаки, будто хотел обрушить их на эту женщину, затем, глухо простонав, убрался прочь. Он брел, натываясь на стены, прикрыв уши руками, словно для того чтобы не слышать крик, порожденный его воображением:

«Батюшка, спасите меня от палача! Батюшка, спасите меня от костра!»

Единственная надежда оставалась у этого готового сражаться до последнего вздоха человека.

Через несколько минут Мариньи был уже в зале для пиршеств, где пили и о чем-то весело разговаривали король и его сеньоры.

Подхватив под руку капитана стражи, Юга де Транкавеля, Мариньи потащил его в королевский кабинет.

Министр был так бледен, что Транкавелю показалось, что он слышит, как у бедняги под кирасой бьется сердце.

Мариньи положил обе руки капитану на плечи, заглянул ему прямо в глаза и промолвил:

– Транкавель, мое состояние достигает двадцати пяти миллионов ливров золотом. Последний миллион я заработал с неделю назад.

То была головокружительная для тех времен сумма, представляющая почти пятьдесят миллионов в пересчете на современные деньги⁶ и, по сути, если сопоставить обычаи и жизненные нужды, равнозначная уровню состояния наших миллиардеров.

Транкавель широко раскрыл глаза и ущипнул себя за пышные усы.

– Клянусь дьяволом, мессир, да вы богаче десяти королей!

– Транкавель, эта огромная куча золота упакована в мешки по пятьдесят тысяч золотых каждый, которые находятся в одном погребе, в трех минутах ходьбы от Лувра...

Капитан стражи рассмеялся, снова ущипнул себя за усы и проворчал:

– Святые ангелы, будь у меня, не имеющего сейчас и десяти экю, возможность на минуту проникнуть в этот блаженный погреб и унести на своих плечах хотя бы один мешок, то был бы самый чудесный мешок в моей жизни!..

Мариньи еще сильнее вцепился в плечи капитана и проревел:

– Транкавель, выведи меня из Лувра, и я отведу тебя в этот погреб, дам тебе от него ключи. Вернешься с целой тележкой. Заберешь столько золота, сколько сможешь унести за час. Только выведи меня из Лувра!

Капитан стражи резко отстранился от Мариньи и сказал:

– Меня зовут Юг де Транкавель, а это значит, что я принадлежу к роду, в котором никогда не было предателей! Я приносил клятву верности королю. Предлагая мне послушаться моего господина в ночь, когда на кону его жизнь, вы, мессир, предлагаете мне предательство, оплатить которое не смогли бы и десять погребов с таким количеством золота, сколько хранится в вашем. Все, что я могу сделать, так это, из восхищения вашим гением, навсегда похоронить в глубинах моей совести постыдное предложение, за счет которого вы хотели купить меня как простого виллана, как какую-нибудь вещицу на распродаже. Прощайте, мессир!..

И, насвистывая себе под нос некий военный марш, Транкавель вернулся в пиршественный зал.

Ангерран де Мариньи поднял глаза к небу и прокричал:

– Проклятье!..

Побежденный и сломленный, обрушился он на мраморный пол.

⁶ Роман написан в 1905 году.

VII. Граф де Валуа

Во главе двух десятков конных лучников, ожидавших в главном дворе, Валуа стремительно покинул Лувр. Крупной рысью, при свете факелов, по темным, уже опустевшим улицам, громко бряцая доспехами, кавалькада пересекла Париж и остановилась перед Ла-Куртий-о-Роз.

– Осторожно! – предупредил граф. – Речь идет о колдунье, так что пусть каждый будет начеку и верит судьбу тому из святых, которого предпочитает.

Среди солдат раздалось проклятья, крики ненависти, оскорбления и угрозы.

– Пусть только посмеет на меня посмотреть, и я пробью ей череп палахом!

– Если пожелает нас сглазить, я оглушу ее палицей!

– Уж лучше вырвать ей глаза!

– И тут же отрубить руки!..

– Внимание, друзья! Господин граф уже стучит в эту проклятую дверь...

– Какой храбрец!

– Что и не удивительно, ведь он королевских кровей!..

Валуа так спешил, что действительно сам постучал в дверь. Лучники вздрогнули и перекрестились.

– Жийона, Жийона! Что означает весь этот шум?

Измученная той сценой, что закатил ей отец, после отбытия мэтра Леско так еще и не сходявшая с места, Миртиль, у которой доставало сил лишь только плакать, при звуке лошадей подняла голову и без какого-либо страха прислушалась.

Даже напади на дом шайка бандитов – все ей было безразлично.

Она думала лишь о том, что покинет Ла-Куртий-о-Роз, не имея возможности предупредить Буридана, и что ее отец ненавидит того, кого сама она любит всей душой...

– Жийона, сходи посмотри, что это за люди и что им нужно!

Жийона уже открывала ворота.

Вошел Валуа.

– Она здесь? – тихо спросил он.

– Да, монсеньор.

– Где находится проклятие?

– Наверху, в спальне, в изголовье кровати вы увидите скамеечку для моления. Над ней висит образ Богородицы, под ним – кропильница. Я убрала из нее святую воду. Там-то, в этой кропильнице, монсеньор и обнаружит колдовскую фигурку, подобную той, какую я ему послала...

– Ты готова свидетельствовать, что эта Миртиль – дочь Ангеррана де Мариньи?

– Который здесь зовется мэтром Леско? Да, монсеньор.

– И что отец колдуньи участвовал в изготовлении этой колдовской фигурки?

– Да, монсеньор!

– И что он согласился дать фигурке имя?

– Да, монсеньор!

– Хорошо. Иди в мой особняк, для тебя приготовлена комната. Останешься там до тех пор, пока не понадобится мне. А для начала найдешь там половину условленной суммы.

– А когда я получу вторую половину, монсеньор?

– В тот день, когда Мариньи вздернут на виселице Монфокон!

На губах хитрой мегеры заиграла улыбка – столь же подлая, как и она сама. Затем, закутавшись в плащ и покрыв голову капюшоном, она вышла за ворота и, не оборачиваясь, направилась в сторону Парижа.

Валуа подозвал к себе командира эскорта и сказал ему:

– Поднимешься по лестнице в спальню, что наверху. В изголовье кровати увидишь кропильницу. Возьмешь то, что окажется в ней, и принесешь мне.

Офицер бросился выполнять указание, а граф вошел в дом, в то время как лучники, приблизившись к жилищу, окружили Ла-Куртий-о-Роз.

У некоторых натур и на некоторых физиономиях радость принимает мрачные оттенки. Валуа был мрачен от радости. Ужасная ненависть раздувала сердце этого человека до такой степени, что то едва не разрывалось на части. Все, что он выстрадал из-за унижения, ярости, зависти в последние годы правления Филиппа Красивого, когда он, брат короля, был менее уважаем, чем интендант Мариньи, все это долгое страдание нетерпеливого честолюбца, вынужденного отвешивать поклоны ненавистному сопернику, вся эта мука в конце концов разрушила в нем всяческое человеческое чувство, оставив в нем лишь одну цель в жизни – месть.

О! Она должна была стать беспощадной, жестокой, с крайними проявлениями гнусности, которые он вынашивал на протяжении долгих бессонных ночей.

Ради мести он опустится до самых низов! Станет собакой, станет шакалом, не имея возможности стать львом, который бы одним ударом своей могущественной лапы сломал шею своему противнику.

Однако же этот человек обладал блестящими качествами, о чем свидетельствует история. И кто знает, не по причине ли этих качеств, гораздо скорее, нежели в угоду Мариньи, всегда мучимый сомнениями Филипп Красивый держал брата в стороне от дел? Высокий, сильный, отважный, предприимчивый, кто знает, на какие поступки был бы способен Карл де Валуа, найди он применение тому, что было в нем гордого и великодушного, не погрязни он медленно в той зловонной грязи, что коснеет в недрах человеческого сердца – в зависти!..

Теперь все было кончено. Он чувствовал себя падшим. Понимая, что спустился на последние ступени мерзости, он говорил себе:

«Пусть меня ненавидят, пусть презирают за те средства, которыми я пользуюсь, – пусть! По крайней мере, моя месть будет столь ужасной, что ненависть станет еще сильнее, чем позор!..»

Его месть! Пришло ее время! То, о чем он всегда мечтал!.. Уже завтра Мариньи предъявят обвинение! Беспомощный, Мариньи увидит, как на его глазах будет приговорено и умрет столь обожаемое им дитя, а потом и сам будет казнен!

Вот что говорил себе Карл де Валуа, входя в дом Миртиль.

Жийона оставила двери открытыми. Он вошел в большую тихую гостиную, где Миртиль, сидя в кресле, закрыв лицо ладонями, уже забыв о топоте лошадей и бряцанье доспехов под окнами, думала о своем несчастье...

– Это тебя зовут Миртиль? – грубо спросил Валуа, прямо с порога.

– Меня, сударь, – вздрогнув, ответила девушка и тотчас встала.

– Ты обвиняешься в колдовстве и сглазе, направленных против священной персоны короля. Колдунья, именем Его Величества, я... я...

Он хотел сказать: «Я тебя арестую!..», но слова застряли в горле.

Граф де Валуа вдруг смутился, бледнея и краснея, он что-то лепетал, не в силах отвести глаз от дочери своего врага!

Что происходило в нем? Что привело его мозг в подобное расстройство? Он хотел сказать: «Я тебя арестую!..», но про себя, обезумев от изумления и восхищения, бормотал:

«Как? И это дочь Мариньи? Как? И это та девушка, которую я намеревался передать в руки палача? И это то дитя, которое я собирался обвинить в колдовстве?.. Сколько красоты, грации и невинности запечатлено на этом лице!..»

Что происходило в голове и в сердце Карла де Валуа?

А происходила там неистовая, порывистая, ужасная по своей внезапности страсть, одна из тех страстей, которые иногда, вдруг, словно молния, ударившая в дуб, поражают мужское сердце, разрываясь в нем! Происходила там, хотя он сам себе в этом не признавался, не знал этого наверняка, хотя и полагал, что всего лишь борется с мимолетной слабостью, с жалостью, то, что Карл, граф де Валуа, начинал всей своей душой, всеми чувствами проникаться любовью к Миртиль, дочери Ангеррана де Мариньи!

* * *

Под таким чудовищным обвинением Миртиль покачнулась. Она догадывалась, что ее, даже невиновную, ожидает. Подобное обвинение означало смерть, самую страшную из смертей, в муках и огне!

Обезумев от ужаса, она сложила вместе руки, подняла на этого мрачного господина свои чистые, цвета небесной лазури, глаза и голосом слабым, похожим на звук, который издает загнанная самка оленя, прошептала:

– О, сударь, что я вам сделала?

Вопрос этот был таким неожиданным и мучительным, в нем было столько предчувствия страшной правды, что, пораженный прямо в сердце, Валуа не нашел в себе сил ей ответить. Он молчал, растерянно глядя себе под ноги, а в голове вертелось:

«Невозможно! Чудовищно! Необходимо ее спасти!»

Мы говорим, что так он думал. Но это было так расплывчато, неопределенно – все то, что он понимал, испытывая головокружение от одной мысли о том, что придется передать это дитя палачу. Он больше не желал смерти этой девушки. Теперь он всей душой хотел, чтобы она жила!

Не отдавая себе отчета в том, что делает, граф подошел к окну, прошептал:

– Она может бежать через него... послушай, девочка, я...

– Монсеньор! Монсеньор! – раздался голос из-за стены. – Я нашел ее, эту колдовскую мерзость! Колдунья прятала ее в кропильнице, под образом Девы Марии!

В гостиную, размахивая восковой фигуркой, ворвался командир лучников!

В то же время в комнату с шумом, с ужасной бранью вбежали солдаты, и уже в следующий миг Миртиль была окружена, схвачена, уведена...

Вне себя от страха – не перед арестом Миртиль, но перед тем, что подсказывало ему его сердце, – граф шел позади своих солдат, безмолвный, задумчивый.

Спустя несколько минут Миртиль, грубо подталкиваемая неистовыми лучниками, уже вступала на подъемный мост у Тампля...

Печальная улыбка пробежала по ее устам.

– Неспроста тень этой башни так леденила мне душу!.. – печально прошептала девушка.

Между Валуа и управляющим крепости тамплиеров, превращенной Филиппом Красивым в тюрьму, состоялся очень короткий разговор.

После чего граф де Валуа занял свое место в седле и медленно, то и дело останавливаясь, снедаемый тяжелыми мыслями, вернулся в Лувр.

Миртиль же схватили двое тюремщиков, которые, не переставая креститься, подвели колдунью к лестнице, что уходила в недра земли. Полумертвую от страха девушку столкнули вниз, поспешно заперев за ней железную решетку.

Погруженная в безмолвную тьму, подобную тьме, скрытой внутри савана, Миртиль осталась одна...

В тяжелой, давящей тишине через правильные интервалы слышался глухой шум: то были капли воды, которые выступали на потолке и падали в большую лужу на полу камеры. В глу-

бине этого мрака бледным светом сверкали крошечные точки: то была плесень, покрывавшая стены могилы...

VIII. Нельская башня

Готье д'Онэ хоть и имел замашки фанфарона, был более благоразумен, чем его брат. Мы не говорим, что менее отважен. Филипп же обладал тем мужеством, которое отказывается вести переговоры с опасностью. В том умонастроении, в коем он находился – а сердце его было преисполнено неисцелимой любви – он жадно искал возможности отличиться. Именно ему пришла в голову мысль о том, чтобы бросить вызов Мариньи.

Готье, будучи бонвиваном, обожая жизнь, которая, в силу того что он не был обременен никакими сентиментальными обязательствами, казалась ему весьма приятной, желал прожить триста лет, при условии, что он всегда будет здоров и всегда сможет находить достойные его кабачки; словом, младший из братьев любил здоровый стол, умел считаться с опасностью и находил неуместными возможности бессмысленно подставляться под удары.

Вот почему после того как ушел человек, назначивший им встречу у Нельской башни, Готье методично закрыл и запер на всякий замок дверь, а затем промолвил:

– Мы не пойдем. Это ловушка, устроенная Мариньи. Но ловушка, слишком топорно слаженная. Он что, за дураков нас держит? Это унижительно. И я ему это припомню.

– Мы пойдем, – сказал Филипп.

– Дьявол!.. Но объясни мне, почему мы должны позволить расквасить наши физиономии сбирам, которых Мариньи не преминет подослать к Нельской башне? То, что ты горишь желанием умереть, мне весьма понятно, – ведь ты любишь королеву, эту проклятую королеву! Но я, брат, люблю двух принцесс, и черт меня побери, если я не разделю свою любовь хотя бы с одной из них. Поэтому, я не вижу...

– Мы не обнаружим там никаких сбиров, – прервал его Филипп. – Если бы Мариньи прознал про наше присутствие в этом особняке, то вместо того, чтобы расставлять для нас западню, он бы просто-напросто прислал сюда с дюжину лучников, и мы бы уже были на дне какого-нибудь оврага.

– Хм... А ведь, пожалуй, ты прав!.. Что ж, пойдем к Нельской башне. Тем более... тем более... подожди-ка...

Готье приблизился к брату. Напустив на себя самый веселый вид, он подмигнул Филиппу и восторженно воскликнул:

– Хо-хо! Ну да... так оно и есть...

– Что именно, мой милый Готье?

– Истории, которые мне рассказывали как-то после пьянки о некой башне. Теперь-то я вспомнил, что речь в них шла именно о Нельской башне.

– И что же тебе рассказывали?

– Говорят... по слухам... и это, знаешь ли, странно!.. В общем, если верить слухам, время от времени в зарешеченных темных окнах Нельской башни зажигается свет... Люди говорят, что иногда по вечерам они видят там некую женщину необыкновенной красоты... О, такой красоты, которой позавидовала бы и сама королева Маргарита!..

– Брат, – прошептал Филипп, – я тебя умоляю: не примешивай чистое имя королевы к рассказам о непристойной любви какой-нибудь бесстыдницы.

– Рассказням? Клянусь Святой Девой и Венерой! Это реальные факты. Да от улицы Вальд'Амур до улицы Тирваш нет такого кабака, где бы об этом не говорили, как о вещах самых что ни на есть неоспоримых! Говорят, эта восхитительная женщина подстерегает прохожих и когда видит того, кто ей нравится, подзывает его улыбкой или взмахом руки... По слухам, тогда из башни доносятся шумы оргий, которые длятся до поздней ночи... И вот что! Говорить ли тебе это?.. Я часто проходил мимо этой башни в темное время суток в надежде в одну из ночей оказаться выбранным этой прекрасной незнакомкой...

– И ты ее видел? – спросил Филипп с улыбкой.

– Никогда. В противном случае, как понимаешь, она не преминула бы обратить на меня внимание. Я видел лишь раскрошившиеся черные камни старой башни, ужасные решетки ее окон и темные воды, хлюпающие у ее фундамента, и то, как с завыванием, словно, коснувшись этих камней, Сена уносит души умерших...

– А ты когда-нибудь встречал хоть кого-то из этих приглашенных на ночные оргии мужчин?

– Никогда, и признаю это. Ни одного никогда не встречал. Но вдруг мы увидим эту таинственную даму сегодня вечером! Вдруг она улыбнется мне!.. Или же тебе!

– В таком случае я бы туда не пошел. Только вряд ли, мой славный Готье, все это правда. Впрочем, неважно. Тот, кто нас вызывает, – враг Мариньи, вот и все. И этого достаточно! Будь этот человек сам дьявол, если он поможет нам отомстить за отца и мать, я его благословлю.

Приняв таким образом решение, братья принялись с нетерпением ждать момента, когда следовало бы идти на эту таинственную встречу. Около половины десятого они направились в дорогу, переправились на противоположный берег Сены, но не по перегороженным в комендантский час мостам, а благодаря услужливому лодочнику, и в десять часов подошли к Нельской башне.

Ее изможденный темный силуэт высился, подобно некому великану-часовому, напротив старого Лувра, который, по другую сторону воды, разрезал мрачное небо смещением своих строений, башенок и крепостных стен. И два этих каменных существа, чья странная душа трепетала в сумерках, казалось, смотрели друг на друга, словно были готовы поделиться ужасными секретами.

Внезапно дрожащая рука Готье легла на плечо брата.

– Видишь? – выдохнул он.

– Что?

– Окна башни освещены... О! Освещены, как и говорилось в тех историях, что я слышал у Аньес Пьеделе!

Филипп пожал плечами и сказал:

– Если тот, кто нас позвал, ожидает в башне, он должен был зажечь свечи.

– Справедливо, – промолвил Готье со вздохом сожаления.

В этот момент перед ними выросла чья-то тень. Филипп узнал или решил, что узнал, силуэт человека, который приходил к ним на улицу Фруадмантель. Он приблизился и прошептал:

– Мариньи.

– Монфокон! – отвечал человек в капюшоне и зашагал по направлению к башне, подав знак следовать за ним.

Положив руки на гарды кинжалов, они повиновались и вскоре оказались у небольшой сводчатой двери, которая была приоткрыта.

– Проходите, господа, вас ждут!

Филипп быстро огляделся, но все было спокойно... Впрочем, и отступить было поздно. Он вошел первым. Готье последовал примеру брата. Они обнаружили, что находятся в выстланной плитами просторной, но не мебелированной комнате, в глубине которой начиналась винтовая лестница.

Обернувшись, Филипп заметил, как их провожатый совершенно бесшумно закрывает тяжелую дверь, опускает засовы, поворачивает в замке ключ и опускает его в карман своего плаща.

Мрачная тишина, царившая в башне, ледяные капли, что падали со сводов комнаты, действия странного человека в капюшоне – все это заставило сердце Филиппа забиться от некоего мрачного предчувствия... но провожатый уже начал подниматься по лестнице.

«Черт побери! – подумал Филипп. – Следует признать, что если все эти рассказы окажутся правдой, назначившая нам свидание дама выбрала не самое веселое место для встреч. У меня уже мурашки бегут по коже!»

На втором этаже это впечатление внезапно рассеялось. Там находились покои более теплые и приятные, с красивой мебелью, какая бывает в домах богатых буржуа, в них уже наблюдалось некое подобие того, что мы называем комфортом.

На третьем этаже оказалось еще уютнее. Филиппа и Готье д'Онэ провели в небольшую комнату с красивыми гобеленами на стенах, подушками на мягких стульях, витавшим в воздухе приятным ароматом, втянув который в себя, Готье пробормотал, вытаращив глаза и сильно покрасневшись:

– Пахнет здесь даже лучше, чем у Аньес.

Необъяснимое беспокойство Филиппа усилилось. Таинственный провожатый собирался их покинуть. В тот момент, когда этот человек выходил через дверь в глубине комнаты, подав спутникам знак ожидать, Филиппу удалось мельком разглядеть его лицо под капюшоном. Он вздрогнул и, схватив брата за руку, прошептал:

– Разрази меня гром, если наш проводник не похож на того, кого мы часто видим из окна нашего особняка на улице Фруадмантель!

– Да?! И на кого же?

– На Страгильдо!..

– Ту ворону, что пасет львов короля?

– Да! И львов королевы!..

– Ба! И что же это доказывает? Мне и самому многие говорили, что я точь-в-точь похож на нашего государя-короля Людовика! Однако же я, к несчастью, не король, так как будь я королем, черт возьми, я начал бы с того...

Готье не успел перечислить многочисленные преимущества, которые ему дал бы титул короля. Дверь внезапно распахнулась, и глазам изумленных братьев предстала роскошная и просторная комната, освещенная шестью канделябрами, в каждом из которых стояло по шесть розовых свечей, распространявших легкий благоухающий аромат. В глубине комнаты, на огромном сундуке, покоился массивный серебряный сервиз: причудливые кувшины для воды, большие вазы, ажурные тарелки, солонки, украшенные чеканными узорами, тщательно отделанные флаконы... Напротив, на серванте, выстроились в ряд уже готовые блюда, и ослепительный стол, благоухающий свежесрезанными экзотическими цветами, ждал гостей.

За этим столом сидели три женщины. Рядом с каждой из них стоял свободный стул. Стало быть, гостей ожидалось тоже трое...

Филипп и Готье д'Онэ замерли, словно два истукана перед этими тремя незнакомками, возникшими внезапно, словно феи или привидения. Братьев охватило неведомое им доселе ощущение, нечто вроде легкой истомы, словно их бодрствующими перенесли в некий волшебный сон.

Действительно, все три женщины были необычайно красивы.

Мы говорим о красоте общей, внешней, лица трех этих граций были скрыты черными масками, из-под которых виднелись лишь губы, алые, словно приоткрывшиеся от горячего поцелуя испанского солнца гранаты, и глаза, сверкающие, будто звезды на вечернем зимнем небе.

Шея, груди и руки их были открыты.

На них были чрезвычайно легкие платья, вроде тех воздушных газовых пелерин, которые вряд ли увидишь даже на разбитных девицах из кабачков на Валь-д'Амур, платья скорее раздевавшие, нежели одевавшие. Казалось, это были три восхитительные статуи, являвшиеся копиями богинь Пантеона, но копиями ожившими и трепещущими.

Одна из них чуть приподнялась и приятным голосом произнесла:

– Извольте войти, мессеры, и занять места рядом с нами; в ожидании прибытия вашего друга Буридана, без которого не начнется наш ужин, мы послушаем музыку виол и обменяемся словами любви. Так как вам следует знать, что вы были приглашены сюда под ложным предлогом... на самом деле мы... скажем так, сестры... да, три сестры, влюбленные в вас... Вот моя сестра Пасифея, которая без ума от вас, сеньор Филипп; вот моя сестра Талия, которая пылает страстью к вам, сеньор Готье; я же, Аглая, влюблена в сеньора Буридана...

Представив всех так под именами трех богинь, дочерей Юпитера и Венеры, дама сделала братьям грациозный жест, приглашая к столу.

Эти странные слова, неистовое бесстыдство любовного признания, которое в них содержалось, великолепное бесстыдство поз и одежд, неожиданность этой сцены, роскошная и загадочная обстановка – все это глубоко поразило братьев, но если Филиппу показалось, что развращенность этих трех незнакомок переходит все границы, если он решил, пусть и не разделяя всех предрассудков того времени, что имеет дело с неким адским явлением, то Готье – восхищенный, покрасневший, слегка бледный – подошел к столу и сел рядом с той, кого назвали Талией.

«Она блондинка! – подумал он просто. – Видит Бог, сегодня вечером я обожаю блондинок...»

Не находя, что сказать незнакомке, он запечатлел на ее белых плечах поцелуй столь страстный, что распутница вздрогнула.

А каким еще именем мы можем назвать этих женщин?

Готье в этот момент разразился неудержимым, немного безумным хохотом, и произнес:

– Так здесь будет и наш славный Буридан?!

– Уже должен бы быть, – хриплым от нетерпения голосом отвечала та, которая присвоила себе имя Аглая. – Но вы, сеньор Филипп, чего ждете вы, вместо того, чтобы сесть рядом с моей сестрой Пасифеей? Разве вы не слышали, что она вас любит?.. Разве не видите, что она протягивает к вам руки?..

Слова эти дама произнесла не без глухого раздражения.

Филипп д'Онэ смертельно побледнел, но с места не сдвинулся.

И так как уже зазвучала музыка виол – музыка такая же приятная, как и аромат, исходивший от свечей, как и гармония редких цветов, стоявших на столе, музыка, порождающая порочные ощущения и безумные томления, – Готье схватил серебряный кувшин, отлил немного пьянящей темно-красной жидкости в хрустальный бокал Талии, а затем наполнил до краев и разом осушил свой собственный кубок с такими словами:

– Я пью за вечную владычицу, которая ведет мир сквозь наслаждения восхитительно порочных грез – за Любовь! Я пью за вас, богини или смертные, дочери неба или дочери преисподней, прелестные красавицы, и за тебя, чудесная Талия, одна улыбка которой проливает на меня невиданные сладострастия... Ну же, брат, подходи, раз уж тебя зовут! Забудь ненадолго о своих тревогах, которые вернутся к тебе у дверей этой башни; проживем час этого сна, раз уж мы здесь оказались... Что до меня, то я всецело отдаюсь тому очарованию, что меня держит, даже если найду здесь смерть!..

– Прекрасно сказано! – воскликнула та, которая назвалась Пасифеей. – Но, – добавила она с мрачной иронией, – похоже, ваш брат не столь галантен, как вы... разве что он находит меня менее красивой, чем вы, сеньор Готье, мою сестру Талию...

– Сударыня, – молвил Филипп, обращаясь к Аглае, то есть к той, которая, похоже, управляла всем этим действием, – сударыня, я хотел бы переговорить с вами... с вами одной.

Аглая с раздражением постучала по столу небольшим серебряным молоточком.

Появилась служанка – молодая, красивая, одетая так же, как и ее госпожи, способная прислуживать за столом, не нарушая столь гармоничный ансамбль оргии.

– Буридан? – спросила Аглая.

Служанка отрицательно покачала головой. Краска гнева залила то, что на скрытом маской лице Аглаи оставалось видимым.

– Ах, вот как, – проворчала она. – Уже одиннадцать, а сеньора Буридана все нет. Вероятно, он не знаком с правилами галантности... как и этот господин! – добавила она, указав на Филиппа.

– Сударыня, – повторил Филипп, – я желаю переговорить с вами... с вами одной. Возможно, вы изволите меня извинить, когда узнаете причины такого моего поведения, которое, вынужден признать, может показаться вам странным.

В словах и в голосе молодого человека была столько благородства и вежливости, что дама, казалось, изумилась.

– Пусть подадут угощения, – произнесла Аглая, вставая, – месьсир Готье, вероятно, захочет несколько минут побыть наедине с двумя моими сестрами, Талией и Пасифеей.

– Даже если бы их было десять, – восторженно воскликнул Готье, – с кубком в руке, с любовью в сердце, я бы нашел достойные слова для каждой из них.

И, приобняв одной рукой Талию, что сидела слева от него, другой – находившуюся справа Пасифею, он поцеловал и ту, и другую и прошептал:

– Клянусь небесами, как-то раз, в Валь-д'Амур, у меня было четыре принцессы... а вы здесь всего лишь вдвоем!

При этих невинно брошенных Готье словах женщины едва заметно вздрогнули...

Музыка виол продолжала свою тихую кантилену, в которой иногда звучали ноты тревоги и печали; восковые свечи продолжали бросать свои благоухающие отсветы, которые иногда тускнели, как сияния погребальных свечей. Над этим залом оргии, над этим восхитительным столом, над этими в высшей степени бесстыдными женщинами, над этим упивающимся собственными мыслями о любви мужчиной висело мрачное безмолвие, и казалось, что над странной группой, в которую входили обнимающиеся Готье, Талия и Пасифея, в этот момент раскрывает свои огромные черные крылья смерть.

IX. Маргарита Бургундская

Стоя в небольшой комнате, что предшествовала залу для пиршеств, Филипп д'Онэ не двигался с места. Он видел, как та, что назвала себя Аглаей, поднялась из-за стола, подошла к нему, и дверь закрылась.

Аглая взяла перекинутый через подлокотник кресла широкий плащ, завернулась в него и села. Филипп остался стоять. В манерах этой женщины произошли резкие перемены, в них вдруг появилась столь пренебрежительная гордость, столь величественное достоинство, что Филипп, почти забыв об ужасном зрелище, только что произошедшем у него на глазах, отвесил очень глубокий и уважительный поклон.

– Что вы хотели мне сказать? – спросила она тоном высокомерной холодности.

И так как Филипп – сердце его стучало, в мозгу роились десятки мыслей – молчал, она продолжала:

– Та, которую я зову своей сестрой Пасифеей, та, которая вас заметила, та, которая призналась вам в зародившейся в ней страсти, та, наконец, которой вы нанесли смертельное оскорбление, принадлежит к высокой буржуазии, сеньор Филипп. Она могла бы отомстить за ваше презрение. Но эта подруга, у которой сердце гораздо чище, чем вам кажется, эта подруга, которая, как и я, позволила себе минутное безумство и распутство, не способна на месть. Она – само воплощение доброты, так что можете говорить без боязни. Что вы хотели сказать?

– То, сударыня, что я несчастный человек, который уже не принадлежит самому себе; что одна безрассудная страсть, безумие моих дней, тревога моих ночей, исступление моих снов, ведет меня по жизни, словно лишенное души тело; что ни один из моих взглядов, ни одна из моих мыслей, ни единая частица моего сердца, даже пожелай я того, не дойдут ни до одной другой женщины.

Он прервался, сделав неистовый жест; незнакомка смотрела на него с некоторым удивлением, словно, казалось, не верила, что подобная любовь возможна.

– Так вы любите? – спросила она уже более мягким голосом.

– Да, сударыня! – отвечал Филипп с каким-то отчаянием.

– А ваш друг Буридан... который не соизволил прийти, он тоже любит?..

– Буридан, сударыня? Будь он здесь, он бы ответил вам сам, я же не владею секретами его сердца, – сказал Филипп, кланяясь.

– Очень хорошо; в дружбе вы так же верны, как и в любви. Можно ли на вас за это сердиться? Должна сказать, что я завидую тем, кто имеет счастье принадлежать к вашим друзьям, и той, которую вы удостоили своей любовью.

Перед ледяной иронией незнакомки и так уже бледный Филипп побледнел еще больше и покачал головой. Отчаяние рвалось на уста. Как все искренние влюбленные, которые страдают, он испытывал огромную необходимость в утешении, в жалобе, смягчающей боль, в слезе, освежающей сердце.

– Сударыня, – промолвил он глухо, – я не знаю, стоит ли завидовать той, которую я люблю, но точно знаю, что меня можно лишь пожалеть.

– Стало быть, она вас не любит? – воскликнула дама в маске с тем острым любопытством, что заставляет женщин интересоваться любовными историями и в них вмешиваться.

– Она меня никогда не видела, – произнес Филипп мрачным голосом, – или же, если вдруг, случайно, ее взгляд и падал на меня, то лишь мимоходом и с полным безразличием, подобно пылинке, коей я в ее глазах и являюсь.

– О! О! Так она весьма знатная дама?

– Да... знатная!..

– И, вероятно, состоит при дворе?

– Да, сударыня, состоит.

– Право же, я не могу спрашивать у вас ее имя... и однако же... простите меня, сударь, мною движет отнюдь не любопытство... я вижу, как вы страдаете... О! Я никогда еще не видела в глазах мужчин слез, которые вижу в ваших!..

– Так и есть, сударыня, – Филипп уже не сдерживал рыданий, – я плачу... и благословляю эту жалость, от которой, пусть и на мгновение, дрогнул ваш голос... Я плачу, сударыня, потому что та, которую я люблю, недостижима для моей любви...

– Она супруга какого-нибудь высокопоставленного графа или барона, вероятно?

– Я обожаю ее, – продолжал вдохновленный порывом своей страсти Филипп, – как обожают никогда не достижимую химеру, иллюзию, более похожую на божественный сон, чем на земную реальность! Я плачу потому, что если она бесконечно чиста, то она столь же любима, столь же почитаема огромными толпами людей, как любая из святых!

– О! – затрепетала незнакомка. – Эти страстные слова разрывают мне душу!

– Я плачу наконец, – пробормотал Филипп, – потому, что она стоит так высоко надо мною, над всеми самыми гордыми баронами, самыми высокопоставленными принцами, что из глубины сумерек, в которых томится моя любовь, я едва осмеливаюсь поднять на нее глаза, словно на звезду, далекую и недостижимую!

Незнакомка резко вскочила на ноги; грудь ее пришла в волнение, и она прошептала:

– Во Франции есть только одна женщина, о которой можно сказать подобное!

Филипп припал на колено и с трепетом, подобным тому, с которыми верующие говорят о Боге, прошептал:

– Маргарита!..

– Королева!..

– Да!.. Королева!..

Незнакомка издала страшный, необъяснимый крик, крик, в котором были радость, гордость, невыразимое удивление, горькое сожаление и, возможно, глубокая жалость...

Она вновь упала в кресло, пытаясь обеими руками унять волнение в груди.

– Королева! – повторил Филипп, поднимаясь на ноги. – Я говорил вам, сударыня, что отныне я всего лишь бедное, лишенное души тело, существо, не принадлежащее самому себе, нечто вроде безумца... Как видите, я был прав... Я не сожалею о том, что открыл вам, человеку мне незнакомому, секрет моей безрассудной любви... так как секрет этот я хотел бы прокричать на весь мир... Теперь вы видите, сударыня, я не могу здесь больше оставаться и минуты, так что меня следует простить, как прощают умалишенных...

– Оставайтесь, я вам приказываю! – встрепенулась незнакомка, увидев, что Филипп направился к двери.

И был в словах этих необъяснимый ужас...

Дама из Нельской башни, та, что столь гордо носила имя Аглая, которое означает «Великолепие», дрожала от странного волнения.

Она подошла к Филиппу, взяла его за руку, и молодой человек почувствовал, что эти изящные, трепещущие пальцы пылают, словно охваченные огнем лихорадки.

Прерывистым, умоляющим и в то же время властным голосом, Аглая проговорила:

– Зачем же так отчаиваться? Возможно, та, о которой вы говорили, не так недостижима, как вы полагаете? Возможно, если бы она собственными глазами увидела эту вашу любовь, которая потрясла меня до глубины души, возможно, тогда бы и ее сердце билось так же часто, как и мое!

– Сон! Безумие! – прошептал сжигаемый собственными мыслями Филипп.

– Выслушайте меня! Прошу вас... Я знаю... Хорошо, я тоже открою вам свой секрет... Я не мещанка... Я принадлежу ко двору и знакома с королевой!.. О, вы дрожите!

– Я дрожу, – пробормотал Филипп, совершенно потеряв голову, – оттого, что нахожусь рядом с человеком, который видит королеву каждый день, приближается к ней, говорит с ней...

В страстном порыве молодой человек поднес к губам руку, которую держал в своей, и поцеловал ее столь неистово, что незнакомка вздрогнула.

– Я знаю Маргариту, – продолжала она уже более тихим, более хриплым голосом, – я могу сказать ей, какую страсть она внушает... И я полагаю... я уверена, что она будет тронута...

– Сударыня!.. О!.. Что вы говорите!..

– Правду!.. Маргарита, возможно, не так чиста, как вы полагаете! Маргарита – женщина, у которой тоже есть сердце...

Некое мрачное исступление охватило незнакомку, которая, пребывая на грани обморока, продолжала:

– Она ведь женщина. Ах, вряд ли вы найдете более страстную, чем она. Ни одна из женщин не любит саму любовь так, как она! Послушайте! О! Выслушай же все до конца! Знаешь ли ты, что такое поцелуй Маргариты? Знаешь ли ты, какое величие скрывает королевская мантия, которую она набрасывает на плечи?.. Знаешь ли ты, что ее душа умеет открываться самым безумным страстям; что, будучи королевой, она не перестает оставаться женщиной, и горда тем, что является женщиной, и что те, кого она хоть раз прижимала к своей груди, умирают от отчаяния, уверенные в том, что никогда уже не познают подобного сладострастия?!..

Смертельно побледнев, Филипп отступил на несколько шагов, положил руку на кинжал и пробормотал:

– Сударыня, вы только что оскорбили королеву! Покрыли ее бесчестием, словно какую-то развратницу!.. Развратницу, вроде вас самой!..

– Королеву! – громко расхохоталась незнакомка.

В то же время она позволила плащу упасть на пол, вновь представ такой, какой была прежде, – с обнаженной грудью, трепещущей шеей, едва скрытой под легкой пелериной.

– Благодарите Бога, – прохрипел Филипп, – что вы всего лишь женщина, так как будь вы мужчиной, клянусь преисподней, я бы вбил все эти оскорбления обратно вам в горло вот этим самым кинжалом.

– Королева! – повторила незнакомка с теми же интонациями разнузданной страсти. – Так ты любишь королеву?..

– О, – пробормотал Филипп, – будь она здесь, я бы кинулся ей в ноги, чтобы просить у нее прощения... О, прощения! Прощения за оскорбления, которые, по моей вине, чернят сейчас ее святое имя!

– На колени же, Филипп д'Онэ! – вскричала Маргарита Бургундская, срывая маску. – На колени перед королевой!

Эффект этих слов был ошеломляющим. Оторопев, растерявшись, отупев от страха и ужаса, Филипп д'Онэ застыл на месте, глядя на эту женщину так, словно перед ним разверзлась бездонная пропасть.

Его грезы о чистой любви рассыпались в пыль! Королева оказалась развратницей!

Страстная и стремительная, Маргарита подошла к нему, обняла и прошептала приглушенным голосом:

– Повтори! О, повтори, как ты меня любишь! Опьяни меня еще раз теми волшебными словами, что дрожали только что на твоих губах!.. Я люблю тебя, Филипп! Люблю и хочу быть твоей!.. Буридан? Нет!.. Забудь о том, что я говорила... Я ненавижу его, этого Буридана! Я люблю лишь тебя!

Резким рывком он высвободился, отпрянул – ошалевший, обезумевший от страданий и отчаяния, что клокотали в нем.

Не быть любимым королевой, любить ее на расстоянии, безнадежно – это был ад...

Видеть, что королева поступает как развратница, говорит как развратница, ощущать, как увядает в нем этот цветок восхищения, рассеивается этот сон бесконечной чистоты, – это было хуже, чем ад: это была боль мужчины, острая и мучительная!

– Как! – прохрипела Маргарита. – Ты меня отвергаешь? Но ты же говорил, что любишь меня? Твои слова все еще трепещут в глубине моего сердца! Так вот: я тоже тебя люблю! Пусть всего лишь на час, но люблю, и я твоя!..

– Несчастный! – простонал Филипп, задыхаясь от подступивших слез. Он отступил.

Яростно зарычав, словно раненая тигрица, Маргарита тоже, в свою очередь, попятилась.

Взгляд, который бросил на нее Филипп д'Онэ, был ужасен, – именно так в библейских легендах проклятые смотрят на навсегда закрывающиеся перед ними небеса...

Без единого слова, без единого жеста, молодой человек направился к двери, которую распахнул настежь...

В этот момент Маргарита Бургундская ринулась к гонгу, что висел в углу этой комнаты, схватила молоточек и неистово заколотила...

Бронзовый гонг разразился мрачными звуками, которые медленными волнами разошлись по всей Нельской башне, сотрясая ее от основания до самого верха!

* * *

При этом продолжительном шуме, вызвавшем в башне длинное мрачное эхо, на четвертом этаже, то есть над залом для пиршеств, раздались поспешные, глухие шаги, и в тот момент, когда Филипп д'Онэ, не отдавая себе отчета, что он творит и где находится, позабыв о брате, начал спускаться по лестнице, на него набросились сзади, обезоружили, скрутили за спиной руки. Шестеро здоровых молодцов поволокли его на верхний этаж донжона.

Защищаться Филипп даже и не думал; в ту секунду, когда на него напали, он ощутил некую мрачную радость и прокричал:

– Будь благословенна, о смерть, высшее избавление! Будьте благословенны и вы, явившиеся меня убить...

– Будьте покойны, мессир д'Онэ, – с усмешкой произнес чей-то голос, – все произойдет безболезненно и так быстро, как только можно желать. Но прежде, признаюсь, гости Нельской башни меня никогда не благословляли!

И когда говоривший склонился над Филиппом, тот узнал беспокойное лицо, впалые щеки, ироничные глаза и гримасничающую улыбку Страгильдо.

– Гости Нельской башни... – в изумлении прошептал молодой человек.

– Хе!.. Если не ошибаюсь, вы уже семнадцатый! А ваш благородный брат станет восемнадцатым. Право же, прекрасное число, которое делает мне честь, так как... Эй! Да этот достойный сеньор меня уже не слышит... Оттащите-ка его в угол и подготовьте все, что нужно!

Дальнейшего Филипп вынести уже не мог; потрясенный таким количеством событий, юноша провалился в небытие.

* * *

В тот самый момент, когда схватили Филиппа д'Онэ, вторая шайка из восьми или десяти вооруженных кинжалами мужчин, ворвалась в зал для пиршеств.

Готье сидел за столом между двумя принцессами. Откинувшись на спинку кресла, – лицо пунцовое, глаза то и дело моргают, язык заплетается, – он бормотал нечто такое, от чего обе женщины хохотали до упаду, не забывая подливать ему вина для еще большего возбуждения...

При зловещих звуках гонга они вскочили – испуганные, трепещущие... так как оргия еще только начиналась, или скорее даже не успела начаться, и до назначенного часа, ужасного часа, когда гости Нельской башни попадали в руки Страгильдо, было еще далеко.

– Что это? – проворчал Готье. – Идите-ка ко мне, мои козочки! Хо-хо! – добавил он со смехом, от которого задрожали стоявшие на столе хрустальные, в золотых оправках бокалы, – кто эти люди?.. А, вероятно, пришли помочь нам расправиться с этими достойнейшими запасами вина! Подходите, милейшие, выпейте с нами! Сам Готье д’Онэ вас приглашает, черт возьми, и сейчас мы...

Ничего больше он сказать не успел, так как один из вошедших схватил его за горло и сунул в рот кляп. Наполовину протрезвевший, Готье потянулся за кинжалом, но тот у него уже отняли; попытался встать, но тотчас же упал, руки и ноги у него моментально оказались связанными...

Растерянно оглядевшись, он увидел, что те, кого звали Талия и Пасифея, уже исчезли из зала...

И тогда им овладел неумолимый, всепоглащающий страх...

Опьянение рассеялось, как дым при дуновении ураганного ветра.

И в эту ужасную минуту, когда он ощутил, как его приподнимают и куда-то несут, он понял, почему никто больше никогда не видел ни одного из тех, кто входил в Нельскую башню!

И тогда мысль о смерти явилась ему во всем своем неминуемом безобразии... Не желая умирать, он выпрямился в отчаянном усилии; кляп выпал изо рта и он завопил:

– Ко мне, Филипп! Ко мне, брат!.. Ко мне, милая Талия! Ко мне, любезная Пасифея! О, вы говорили, что любите меня! О, вы подставляли мне ваши дорогие губы!.. И вот вы оставляете меня умирать!

Крики Готье, – который даже в эту последнюю минуту сохранял некую веру в двух незнакомок и считал, что они его любят, – эти душераздирающие крики затерялись на лестнице.

– Ох, это ужасно, – прошептала принцесса Бланка.

– Давайте пощадим этого несчастного, который так нас веселил! – побледнев, пробормотала Жанна.

Маргарита, которая, наклонившись, с выступившим на лбу потом, слушала мучительные вопли Готье, неистово затрясла головой и промолвила:

– Эти юноши нас узнали! Им известно, кто мы...

– Пусть же умрут тогда! – с содроганием пробормотали принцессы.

* * *

Перенесенный на четвертый этаж башни Готье д’Онэ увидел, что он находится в просторной и холодной комнате без мебели, похожей на ту, через которую они проходили, войдя в башню. Его уложили на плиточный пол, и теперь за ним присматривали с десятков сторожей.

Он уже не кричал; мрачный его взгляд блуждал по помещению.

Внезапно этот взгляд упал на брата, лежавшего, как и сам он, на полу, в нескольких шагах, но никем не охраняемого, и тогда слезы хлынули из его глаз и он прошептал:

– Бедный братец! Они его уже убили!.. А ведь это он пожелал сюда прийти! Прощай, мой милый Филипп... А вы чего ждете, мерзавцы, перережьте мне горло – и делу конец!..

– Немного терпения, черт возьми!

– Страгильдо! – пробормотал Готье, увидев то, ужаснее чего в этой аванюре и представить было невозможно – Страгильдо, сторожа королевских львов. – Здесь Страгильдо!..

С растерянностью в глазах, натянутыми до предела нервами и неким смертельным любопытством, он наблюдал за тем, что делал Страгильдо.

И тогда ужас его возрос многократно: страхи кошмаров добавились к тем, что разъедали ему мозг!

Крепкой веревкой Страгильдо ловко, как привычный к этому занятию человек, привязывал к огромному мешку из плотной двойной материи громадную железную чушку.

Его не заколют!.. Ведь кровь оставляет следы! Кровь обвиняет! Сколько ни отмывай кровь, она никуда не денется, но породит обвинительные акты, от которых полетят головы, пусть даже и коронованные!.. Нет, его не заколют... Его сунут в этот мешок, который тяжеленная чушка утянет за собой на дно Сены! Его утопят!

– О, только не это! Только не это! Уж лучше уж кинжал в сердце! О, да вы настоящие демоны – бездушные, бессердечные! А эти женщины! Дочери преисподней, иначе и не скажешь!

– А вот и один из них! – со смешком произнес сквозь зубы Страгильдо.

Один?.. Что – один? Вероятно, мешок? Но ведь их двое... значит, и мешков должно быть два?.. Нет.

Двое мужчин схватили бесчувственное тело и опустили в мешок, единственный мешок, который должен был утащить обоих братьев на дно реки!

У Готье волосы встали дыбом: ему предстоит умереть вместе с братом! Умереть в этом страшном объятии, где он будет чувствовать трепещущее в смертельном спазме тело брата!..

Хрип агонии сорвался с бледных губ Готье, и его оставили силы.

Когда, мгновением позже, его подняли и погрузили в погребальный мешок, сопротивления он уже не оказал.

В этот момент дверь открылась, и женский голос спросил:

– Ну как, готово?

– Еще минутку, – отвечал Страгильдо.

Сделав над собой усилие, Готье сумел приподнять голову, и тогда в дверях – уже без маски, в широком плаще, похожую на явившееся из загробного мира привидение – он увидел эту женщину и узнал ее... Он вытянул в ее сторону руки и закричал:

– Гнусная королева, королева кровавая оргий, от моего имени и от имени моего брата, который, как и я, умирает, убитый тобой, от имени всех жертв Нельской башни, я тебя проклинаю! Будь ты проклята, Маргарита Бургундская!

В ту же секунду мешок закрыли, горловину крепко перевязали, после чего с дюжину человек подхватили его и спустя несколько мгновений вынесли эту мрачную ношу на платформу башни.

– Осторожно! – ворчал Страгильдо. – Раскачивайте как следует! Нужно закинуть подальше! Раз... два... три!..

Послышался приглушенный крик. Мешок взлетел в воздух и исчез в темноте. Страгильдо, склонившись над пропастью, разглядел, как он с шумом и похожими на проклятия мольбами вошел в воду...

– Счастливого пути! – прокричал слуга королевы.

– Этот человек меня проклял! – прошептала Маргарита Бургундская.

А река, зловеще спокойная, продолжала течь. Все было кончено. Филипп и Готье д'Онэ покоились на дне Сены.

Х. Буридан

Теперь, когда мы рассказали о том, как провели вечер два брата, нам, конечно же, следует сказать и о том, как он сложился для Буридана. Покинув особняк д'Онэ и улицу Фруадмантель, Буридан направился к Центральному рынку. Он думал о необычном свидании, назначенном ему незнакомкой. Впрочем, для себя он уже практически решил, что не пойдет к Нельской башне, и не потому, что у него имелись определенные подозрения насчет этой особы, которая называла Анггеррана де Мариньи своим врагом, а потому что заботило его сейчас совсем другое.

«Необходимо, – говорил он себе, идя широким шагом, – уже сегодня же вечером все урегулировать, чтобы освободить для себя день завтрашний. Если все закончу вовремя, отправлюсь в Нельскую башню, хотя бы ради того, чтобы просто познакомиться с врагом моего врага. Но вероятнее всего, раньше полуночи освободиться не удастся. Тем хуже! Тогда я туда не пойду... Завтра! – добавил он со вздохом. – Что же меня ждет завтра? Сообщит ли мне дорогая Миртиль, что ее отец, почтенный Клод Леско, согласен на мое счастье?.. Вот увидишь, бедняга Буридан, удача опять от тебя отвернется, так как ты родился под несчастливой звездой, как сказала та колдунья, что когда-то гадала тебе по руке... как же ее звали? Мабель!.. Да, именно так...»

Когда он проходил мимо позорного столба на Центральном рынке и разговаривал так с самим собой согласно древней привычке влюбленных в частности, а в общем-то, и любого, кому в театре либо же в романе нужно донести до публики свои мысли; словом, когда он говорил себе эти довольно печальные вещи, в душе, однако, теща себя тайной надеждой, какой-то человек вдруг преградил ему дорогу со словами:

– Счастья, почестей и процветания мессире Жану Буридану!.. Имею честь низко вам кланяться, сударь, и принести самые искренние мои пожелания.

Человек был в лохмотьях, сдвинутой на бок фетровой шляпе и дырявом, обшитом бахромой плаще, из-под которого проглядывала огромная рапира.

– Ну и ну! – пробормотал Буридан. – Вот так и вечер встреч с людьми, которые знают меня, но которых не знаю я! Кто ты?

– Желаете знать мое имя или же занятие?

– Прежде всего – имя.

– Ланселот Бигорн.

– Красивое имя. А теперь – занятие.

– Приговоренный к смерти.

– Как-как?

– Я говорю: приговоренный к смерти через повешение, то есть к тому, чтобы болтаться с этим прекрасным пеньковым галстуком на шее в пустоте до тех пор, пока не последует смерть. Не далее как сегодня утром мне грозила беспримерная честь стать первой жертвой Монфокона.

– Ха-ха!.. Да, теперь узнаю: это тебя должны были вздернуть в присутствии короля, и, бежав, ты имел бестактность лишить Его Величество этого забавного зрелища.

– Вот именно, мессир! – восторженно воскликнул Ланселот Бигорн, коему эта мрачная шутка определенно пришлась по душе. – Мне не солгали, заверив, что Буридан – весьма веселый собеседник...

– И что тебе от меня нужно? Что ты хочешь мне сказать?

– Я хочу вам сказать, что хочу сказать вам тысячу вещей, и что если вы согласитесь меня выслушать, то никогда об этом не пожалеете... Пока же скажу лишь одно, – продолжал этот человек вдруг серьезным тоном. – Этим утром я спасся лишь благодаря вам. Когда вы

помчались вслед за повозкой, в то время, как и за мной тоже кое-кто гнался, вы, на своей дикой лошади, раскидали по сторонам всех моих преследователей...

– Тех, которые хотели тебя повесить? Честное слово, я сделал это не нарочно.

– Гм! Следует ли мне вам верить?.. Да какая, в конце-то концов, разница! Я обязан вам жизнью – вот что важно! Как важно и то, что Ланселот Бигорн никогда не забывает ни оскорблений, ни благодарений. Теперь же, сеньор Буридан, если вы изволите мне сообщить, где и когда я смогу с вами поговорить...

– Когда?.. Что ж: когда пожелаешь. Где?.. На улице Сен-Дени. Знаешь вывеску с надписью «Волхвы»?.. Да?.. Так вот, дом, стоящий рядом с «Волхвами», принадлежит госпоже Клопинель, особе зрелой, респектабельной и почтенной, которую уважаю и я, принимая во внимание тот факт, что живу я у нее, не внося плату за комнату. Там-то ты меня и найдешь.

Ланселот Бигорн глубоко поклонился и скрылся за углом улицы, тогда как Буридан, и думать забыв о сей странной встрече, продолжил свой путь, направившись к Гревской площади.

Там, в доме с колоннами, где собирались эшеваны, между позорным столбом Гревской площади, у которого выставляли на всеобщее обозрение богохульников, и виселицей Гревской площади, где вешали едва ли не каждый день, так вот, там, как мы уже сказали, над витражной дверью прелестной наружности дома, на ветру, что шел с Сены, раскачивалась огромная вывеска. На вывеске этой была изображена лилия – эмблема французских королей. Соответственно, и в доме сем располагался трактир «Флёр де Лис», у владельца которого не было отбоя от постояльцев и просто завсегдатаев, в число коих входили молодые вельможи, богатые студенты и искатели приключений.

Буридан уверенным шагом пересек как всегда заполненный до отказа главный зал, где пили и играли в кости, в тот момент, когда хозяин заведения уже кричал: «Комендантский час! Выходим, милейшие! На выход, мои добрые клиенты!»

– Да порази тебя чума!

– Что б ты окошел от лихорадки, мерзавец!

– Да уготовит тебе сатана самый кипящий котел!

Таковы были возгласы, которыми, наряду с другими любезностями, был встречен ультиматум трактирщика; но в целом, продолжая злобствовать, народ предпочитал повиноваться, и мало-помалу толпа рассасывалась.

Буридан же, вероятно, счел, что королевский указ касательно комендантского часа его не касается, так как, пройдя, как уже было сказано, через главный зал, он вошел в отдельный кабинет, где двое мужчин, имевшие вид кутил и прожигателей жизни, сидели за столом, заставленным остатками птицы, еще нетронутым пирогом с заварным кремом, множеством пустых бутылей и двумя-тремя еще полными.

– Привет Жану Буридану! – воскликнули мужчины, сопроводив свои слова поднятием кубков.

– Приветствую вас, Рике Одрио, король Базоши, Гийом Бурраск, император Галилеи!.. Ну и как, милейшие, с вами здесь обходятся? Ни в чем не знали отказа?

– Твои указания, Буридан, – промолвил Бурраск, – достопочтенным хозяином заведения были выполнены от и до, так что мы уже пьяны в стельку...

– Да, – добавил Рике Одрио, – но Буридан определенно пришел не для того, чтобы разделить с нами ужин, им же нам и предложенный, лучший из тех, что у меня был с последнего праздника шутов. Еды у нас уже не осталось...

– Зато есть, что выпить, – сказал Бурраск. – Выпей, Буридан, выпей, мой старый брат... за твое здоровье, держи!

Буридан бросил на двух пьяниц лукавый взгляд своих карих глаз и пробормотал:

– Похоже, они уже дозрели до великих решений!

И, одним махом осушив протянутый ему кубок, он облокотился на стол и проговорил:
– А теперь слушайте...

– Подожди, – пробормотал Рике Одрио, – подожди, пока я поделю этот пирон на три братские, то есть равные, части, ведь равенство является главным принципом братства... так, по крайней мере, написано во всех письмах Аристотеля...

– Ба! – ухмыльнулся Гийом Бурраск. – Так, полагаешь, Аристотель...

Остаток фразы потерялся в дружном гоготании, которое должно было быть взрывом хохота.

Эти два поборника Бахуса были персонажами важными и значительными.

Один был королем Базоши.

Другой – императором Галилеи.

Читатель глубоко заблуждается, если полагает, что то были ничего не значащие названия химерических королевств и воображаемых империй. Вскоре он и сам увидит, сколь могущественными сообществами являлись королевство Базоши и империя Галилея. Пока же ограничимся констатацией того факта, что эти громкие названия были самыми что ни на есть подлинными, раз уж сам король Франции признавал их таковыми, раз у французской монархии ушли столетия на то, чтобы разрушить монархии Базоши и Галилеи, раз уж, наконец, эти две корпорации были вооружены опасными привилегиями, а их предводители обладали не меньшим авторитетом, чем парижский прево, епископы и Университет!

Вот уже четверть часа, как эти два монарха, которым, как мы видели, Буридан оплатил пирушку, были пьяны от вина, философских диспутов и умиления.

Гийом Бурраск, вопреки своей бурливой фамилии⁷, вообще говоря был человеком внешне безмятежным, крупным, тучным, иногда (особенно в процессе переваривания плотного обеда) выглядевшим погруженным в глубокие размышления и тогда видевшим все в розовом свете, так как обычно на его пухлых губах блуждала блаженная улыбка.

Рике Одрио, хотя и был более худощав, сухопар, более раздражителен с виду, не подпустил бы, как тогда говорили, к себе и собаку – выражение, которое дошло до нас (и стало не менее актуально в наши дни) с давних времен, когда улицы буквально кишели бродячими собаками. Как и его друг Бурраск, Одрио любил хорошо поесть и весьма уважал питный мёд⁸, разве что был он менее полным и отличался более беспокойным темпераментом.

Таковы были два персонажа, которым в этот памятный вечер Буридан рассказывал некие таинственные вещи в отдельном кабинете уже закрывшегося к тому времени трактира.

Что это были за таинственные вещи? О каких великих решениях говорил Буридан?

Вскоре вы это узнаете.

Пока же, желая оставить событиям их хронологический порядок, мы воздержимся от прослушивания того, что столь внимательно выслушали король Базоши и император Галилеи.

Но повод ли это покидать Буридана и его приятелей?

Предлагаем читателю представить – всегда можно представить все что угодно, – стало быть, вообразить, что он вместе с нами попивает небольшими глотками мёд в главном зале, где дрыхнет на скамье трактирщик, в то время как Буридан, Одрио и Бурраск разговаривают в кабинете.

Но вот дверь кабинета наконец открылась.

Появился Буридан, вслед за которым, в обнимку, выплыли император и король.

Буридан разбудил хозяина, расплатился, и после того, как владелец «Флёр де Лиса», поклонившись до земли, открыл дверь, король, император и искатель приключений вышли наружу.

⁷ Фамилия Бурраск (Bourgasque) переводится как «шквал», «порыв ветра», а также – «взрыв гнева», «ругань».

⁸ Крепкий алкогольный напиток, изготавливающийся из мёда и диких трав.

В этот момент ночной сторож, с фонарем в руках медленно проходивший мимо причудливо смотревшихся в сумерках колонн, что поддерживали дом эшевенов, голосом суровым и протяжным прокричал в глубокой тиши:

– Одиннадцать часов! Спите безмятежно, жители Парижа! Все спокойно!

Словно в опровержение этой блаженной уверенности, которую сторож давал уже забравшимся под пологи своих кроватей буржуа, в углах улиц сновали мрачные тени, то тут, то там прорезали ночную мглу проблески стали, внезапно, далекими стонами, разрывали тишину крики ужаса.

– Караул! Грабят! Горим!

До возгласов подвергшихся нападению и обобранных до нитки редких прохожих никому не было дела, даже патрулям из десяти человек, которые, под надзором глав городских участков, ходили по улицам утяжеленным ввиду подступающего сна и доспехов шагом.

– Прощайте, мои дорогие друзья! – промолвил Буридан, остановившись неподалеку от Лувра.

Король Базоши схватил его за левую руку, а император Галилеи за правую.

– Как это – прощайте? Не бросай нас, Буридан! – взмолился Гийом Бурраск. – Не оставляй нас сейчас, когда меня так мучает жажда...

– Жажда? – пробормотал Рике Одрио, прыснув со смеху. – Ну, тогда и голод!.. Буридан, ты говорил, что мы проведем эту ночь в одной компании. Что до меня, то я голоден.

– Минут с пятнадцать назад прокричали одиннадцать. Пора спать...

Их величества возмущенно запротестовали.

Буридан уселся на косоугольную каменную тумбу, что стояла на углу улицы, и скрестил руки на груди.

– Буридан пьян, – произнес Гийом Бурраск.

– Его и ноги уже не слушаются, – добавил Рике Одрио.

– Мои дорогие друзья, – сказал Буридан, – дайте мне поспать. Вот, возьмите по эю на каждого, но, именем святого Лаврентия, который спал на рашпере, позвольте мне прилечь здесь!

– Так тебя не мучает жажда, Буридан? – спросил король Базоши.

– Еще как мучает – аж в горле пересохло.

– Так ты не голоден, Буридан? – спросил император Галилеи.

– Так голоден, Рике, что подойдешь ближе – непременно укушу.

– Из чего следует... – начал Гийом.

– Из чего следует, что голод и жажду я испытываю в равной мере, – прервал его Буридан.

– В таком случае, – пробормотал Рике Одрио, – раз уж ты так голоден, то пойдем на Гусиную улицу⁹, в «Глоткорезку»; там подают обложенных ломтиками сала, начиненных каштанами, поджаренных до красновато-коричневой с золотистым отливом корочки гусей.

– Нет! – проворчал Гийом Бурраск. – Раз уж его мучает такая жажда, нужно идти в «Истинный Рог», где подают белые вена, которые пенятся, искрятся и восславляют божественного Бахуса...

– Послушайте, мои дорогие друзья, послушайте! – воскликнул Буридан. – Вот ты, Рике, скажи-ка мне, как далеко нам идти до «Глоткорезки», где такая славная пища?

– Триста туаз¹⁰, если взять влево!

– А скажи-ка мне, Гийом, как далеко нам идти до «Истинного Рога», где наливают такое дивное вино?

⁹ Гусиной (gue aux Oies) называлась улица, на которой жарили и продавали гусей. Позднее, из-за процветающего на этой улице разврата и коррупции, она стала называться Медвежьей (gue aux Ours). Так, под видом созвучия и благозвучия, легкомысленная улица кутежей и пирушек может сменить название на куда как более устрашающее. – *Примечание автора.*

¹⁰ Туаз – старинная французская мера длины, равная шести футам (около двух метров).

– Триста туаз, если взять вправо!
– *Vene!*¹¹ Из чего следует, что мы находимся на одинаковом расстоянии как от еды, так и от вина.

– Именно так! – воскликнули их величества.

– *Vene!* – повторил Буридан. – А теперь, вообразите, что я – осел.

– Осел!.. Ты?!.. – изумились Гийом и Рике.

– Да, осел – с длинными ушами, тонкими как спички ногами и облезлым хвостом, словом, обычный осел! Есть люди, которые являются львами, тиграми, волками... мне же нравится быть ослом. А теперь, друзья, вообразите, что этого осла в равной степени мучают жажда и голод. Вообразите, что он находится на одинаковом расстоянии от горки овса и ведра прохладной воды... Как по-твоему, Гийом Бурраск, что он сделает?

– Черт возьми! Пойдет напрямиком к ведру, особенно если заменить воду вином.

– А ты как считаешь, Рике Одрио?

– Черт возьми! Пойдет напрямиком к овсу, особенно если заменить овес птицей.

– Вы ошибаетесь, друзья! – проговорил Буридан. – Этот осел, мучимый жаждой в той же мере, что и голодом, осел, одинаково склоняющейся к овсу и воде, так вот, этот осел не сможет ни есть, ни пить! Так как, если он направится к воде, его убьет голод, если же пойдет к овсу, то умрет от жажды. Стало быть, ему придется умирать от голода и жажды на месте. Вот так вот.

– Пьян! – пробормотали их величества. – Да он пьян как сапожник!

– Я говорю, – продолжал Буридан, – что не в силах выбрать между пулярами «Глотко-резки» и белым вином «Истинного Рога», я говорю, что находясь на одинаковом расстоянии от одного и другого заведения, я не могу отсюда сдвинуться. Прощайте, друзья!..

И, устроившись поудобнее у каменной тумбы, Буридан захрапел.

– Прощай, – проговорил ошеломленный логикой Буридана Рике Одрио, – пойду в «Истинный Рог» пропивать твой эку. Прощай!

Король Базоши и император Галилеи, бросив последний взгляд на уснувшего Буридана, в последний раз покачав головами, разошлись каждый в свою сторону, но одинаково пошатываясь и пытаясь разобраться в парадоксе, где столь нелепую роль играл буриданов осел¹².

Не прошли они и двадцати шагов, как Буридан вскочил на ноги и, более проворный, чем когда-либо, удалился, даже ничуть не пошатываясь.

– К черту этих пьяниц! – бормотал он себе под нос, ускоряя шаг. – Наверное, не избавился бы от них и к рассвету. Все-таки не мешало бы посмотреть, не дожидается ли меня кто, случаем, у Нельской башни. В конце концов, я опаздываю всего на полтора часа... Говорят, король Филипп, отец нашего сира, прибыл в Монс-ан-Пюэль с двухчасовым опозданием, что не помешало ему выиграть сражение...¹³

Втайне гордый таким своим сравнением с Филиппом Красивым, имея в запасе на полчаса больше, нежели монарх, Буридан прибыл на берег Сены, неподалеку от могучей башни Лувра, которая высилась почти напротив Нельской башни.

– Окна освещены! – прошептал он. – Стало быть, меня ждут?

Где-то вдали раздался голос ночного сторожа:

– Жители Парижа, полночь!..

¹¹ Хорошо! (*лат.*)

¹² Французскому философу-схоласту Жану Буридану приписывали знаменитый парадокс о свободе выбора человека, с которым связано вошедшее в поговорку выражение «буриданов осел».

¹³ Имеется в виду сражение 18 августа 1304 года на севере Франции во время похода Филиппа IV Красивого на Фландрию. Сражение сначала было проиграно французами, но вскоре Филипп, собрав свои войска, атаковал фламандцев, занятых грабежом захваченного лагеря, и нанес им полное поражение.

Буридан подошел к кромке воды, где шуршали по песку небольшие волны. Там, на некотором расстоянии друг от друга, в землю были вбиты несколько крепких свай; с каждой из них свисала цепочка, конец которой был закреплен на корме лодки.

Недолго раздумывая, Буридан отцепил первый попавшийся ялик, запрыгнул внутрь и принялся грести, или скорее галанить, как тогда делали моряки на Сене. Стоя на корме челнока, он держал курс на Нельскую башню, с небывалым волнением глядя на ее мрачный силуэт, выделявшийся даже на фоне темного неба.

Откуда шло это, столь непонятное ему волнение?

А оттуда, что Буридан умел видеть, иными словами, умел извлекать из любого зрелища самую суть, необходимую часть восприятия. Существуют натуры, от которых восприятие сути ускользает, у которых оно притупляется, и, в общем-то, они из числа самых счастливых; есть и другие – такие, которые его получают, осмысливают и даже преувеличивают.

Буридан принадлежал к последним.

Вы когда-нибудь замечали, читатель, как благопристойный фасад приличного буржуазного дома, вполне спокойного, тихого, вдруг почему-то внушает вам инстинктивный ужас? Как на углу улицы, на опушке леса перед вами внезапно вырастает чья-то бандитская физиономия?.. Откуда идут эти впечатления? Живут ли они в вас сами по себе? Производите ли вы их неосознанно? Или же у всех вещей есть свое лицо – радостное либо же печальное? А что если все вещи имеют свою непроницаемую душу, которая хранит глубокие тайны и которая внезапно выдает их прохожему? Кто знает?

Почему, оказавшись на середине реки, Буридан почувствовал, как его охватывает оцепенение? Почему, кто скажет, почему перед этой Нельской башней, похожей на столько других башен, коих полно в Париже, в душе у него в этот поздний час вдруг поселились щемящая тоска и невыразимый ужас, от которого по спине бежали мурашки?..

Это ощущение было столь сильным, что Буридан уже собирался повернуть на другой галс...

В этот момент на правом берегу меланхолический голос ночного сторожа повторил:

– Спите безмятежно, жители Парижа... Сейчас полночь!

И этому крику на берегу левом ответил другой – более протяжный, похожий на погребальный плач... словно то был вестник смерти, говоривший:

– Помолитесь за души умерших, жители Парижа!

В ту же секунду Буридан услышал у себя над головой, очень высоко в небе, приглушенный вопль, мучительный стон. Ему показалось, что то был крик агонии какой-нибудь смертельно раненной ночной птицы. И в тот же миг, когда, пораженный неким загадочным страхом, он поднял голову, то увидел некое огромное существо или предмет, который крутился в воздухе и падал... падал...

Он упал в двух саженях от барки, отчего ту резко качнуло... Повсюду разнеслись брызги... и наступила тишина.

Пустая лодка медленно поплыла по течению реки, затем, попав в водоворот, закружилась, но в следующее мгновение выровнялась.

Лодка была пуста...

Куда же подевался Буридан?

Буридан без раздумий, без колебаний прыгнул в воду!

В тот миг, когда падающий предмет достиг поверхности воды, Буридан увидел, что предмет этот был мешком. За какую-то долю секунды юноша услышал крик отчаяния, который мог исходить только из этого мешка!

И Буридан прыгнул!

Он нырнул в воронку, образованную мешком, в тот самый момент, когда та стала закрываться.

Неустрасимый пловец, Буридан пошел ко дну. Его падение и падение мешка слились воедино, и Буридан, вытянув руки, ощутил, как они вцепились в материю. Не разжимая пальцев, он начал погружаться вместе с мешком на дно Сены...

Ткань странным образом задержалась у него в руках. В мешке находилось живое существо! Еще живое...

Буридана охватила глухая ярость. Он вонзил в верхний узел мешка зубы и в таком положении продержался, сносимый подводным течением, порядка двух секунд. Этим двум секундам, пока руки были свободны, ему хватило, чтобы вытащить кинжал и прорезать в колыхающейся материи дыру. Произошли еще два или три толчка. Мешок разорвался сверху донизу... и в холодных ночных водах Сены забарахтались смутные тени...

С того мгновения, как мешок скинули с верхней площадки Нельской башни, прошло не более тридцати секунд.

Над водой появились три головы – лица смертельно-бледные, с блуждающими взглядами.

Буридан встряхнулся, отплевался, смахнул налипшие на лицо волосы и сажень в двадцати увидел свою уносимую течением лодку. Увидел он и то, что двое незнакомцев, помогая друг другу, держатся на воде довольно уверенно.

– Сюда! – прохрипел он.

Буридан поплыл к лодке и последним усилием воли настиг ее; приподнявшись на руках, совершенно изможденный, завалился внутрь. Почти тут же лодка качнулась влево, затем вправо. Юноша увидел, как сначала в один, а затем и в другой борт судорожно вцепились руки... и вдруг, у левого борта, возникло бледное лицо... затем у правого...

Буридан почувствовал, как страх остановил кровь в его венах... Эти два лица – он узнал их! Эти двое спасенных им мужчин – он узнал их!..

– Готье! – вне себя от изумления выдохнул юноша. – Филипп!

В мешке, брошенном в Сену с верхушки Нельской башни, были братья д'Онэ!.. Той самой башни, куда пригласили его! Как?.. Почему?.. Что же там происходит? Что за смертоносные чудовища обитают в этой башне?..

Ответа на столь ужасные вопросы в данную минуту не было. Братья, словно полоумные, похоже, его не узнавали! Возможно, они его даже и замечали.

Готье, воздев руки и пылающее лицо к небу, проревел:

– Есть еще справедливость на свете!.. Маргарита! Маргарита Бургундская, горе тебе, так как Готье д'Онэ еще жив!

Филипп же, обратив полный отчаяния взор на освещенные окна проклятой башни, шептал:

– О Маргарита, я жив! Ради тебя! Лишь ради того, чтобы спасти тебя, Филипп д'Онэ остался в живых!

И когда, в инстинктивном порыве, братья повернулись друг к другу, оба вздрогнули, так как поняли, что совсем разные чувства охватили их, возможно, разделив навсегда!

XI. Лувр

К назначенному часу, закончив свой поход против колдуньи Миртиль, Карл де Валуа вернулся в Лувр. Когда он вошел в зал, где его дожидались король и сеньоры, никто не обратил внимания на то, сколь искажены были черты лица графа.

Ангерран де Мариньи стоял рядом с Людовиком X и, благодаря усилию воли, которое могло либо убить его, либо сделать безумным, выглядел, как и всегда, спокойным и холодным.

Бросив на министра взгляд, Валуа не смог не восхититься его самообладанием. Мариньи, если так можно сказать, предстал для него в новом свете. Этот человек, которого он ненавидел всем сердцем, был отцом Миртиль! Он и сейчас ненавидел первого министра ничуть не меньше, чем до того, как увидел девушку, но теперь он уже не желал смерти этому дитя. Теперь графу нужно было найти способ убить Мариньи и спасти его дочь... ему, который обвинил Миртиль в колдовстве лишь для того, чтобы добраться до первого министра.

В голове у него был полный туман, так как если Миртиль и произвела на него ошеломляющее впечатление, если он еще и находился под воздействием восхищенного и страстного изумления, испытанного в Ла-Куртий-о-Роз, то он еще не до конца признавался себе в том, что в душе его появилось новое чувство, с которым отныне ему следовало считаться, – любовь.

Да, весь вопрос теперь заключался в том, как убить Ангеррана де Мариньи, не убивая Миртиль.

Как это сделать, он еще не знал.

«Ох, – думал он, – еще недавно я уезжал, чтобы арестовать колдунью; с какой радостью я говорил себе, что по возвращении смогу воскликнуть: “Сир, у этой колдуньи есть отец, и отец этот – Ангерран де Мариньи!” Так я говорил себе, дрожа от нетерпения... Кто бы мог сказать, что спустя пару часов я не осмелюсь изболтать человека, которого безумно ненавижу, и что лишь одной мысли об этой девушке окажется достаточно для того, чтобы голова Мариньи стала для меня священной... Священной?... Да! На один... на два дня... терпение!»

Вслух же он произнес:

– Сир, Ваше Величество спасены. Вот та пагубная фигурка, которую мы обнаружили у колдуни...

Мариньи безумно побледнел, но даже не пошевелился.

– Что вы сделали с этой женщиной? – спросил Людовик X, внимательно рассматривая, но не прикасаясь к фигурке, обнаруженной в кропильнице Миртиль.

– Ее поместили в одну из камер Тампля, так что теперь вам ничто не угрожает.

– Пусть завтра же иницируют судебный процесс. Я хочу для нее наказания, которое заставит содрогнуться от страха всех колдуний Парижа и королевства. Проследите за этим, мой дорогой Мариньи.

– Да, сир, – ответил Мариньи даже не дрогнувшим голосом.

– Господа, вы свободны, – проговорил король. – Транкавель, прикажите открыть ворота Лувра: запрет снят. Прощайте, господа. Спасибо за то, что оставались со мной во время этого тяжелого испытания. Валуа, назначаю вас комендантом Тампля. Мариньи, займитесь подготовкой процесса. Шатийон, город завтра же должен быть наводнен вооруженными патрулями, и если будут волнения, действуйте! Транкавель, удвойте охрану Лувра. Всего хорошего, господа.

И быстрым, порывистым шагом, что был так ему свойствен, Людовик X прошел между двумя рядами склонившихся в поклонах сеньоров и направился к галерее молельни.

У дверей галереи перед ним вырос часовой:

– Вход воспрещен, сир!

– Да вы сошли с ума, сударь! – проревел король, приходя в ярость.

– Сир! – промолвил несчастный офицер, смертельно побледнев. – Вы сами отдали приказ никого не пропускать, даже Ваше Величество, пока королева молится...

Вместо ответа Людовик схватил офицера за пояс, оторвал от земли и яростно отбросил в сторону, вследствие чего бедняга отлетел шагов на десять. Внезапно король расхохотался.

– Сударь, – сказал он, – ступайте разыщите вашего капитана, господина де Транкавеля, и попросите заковать вас в кандалы. Завтра вы умрете. Свободны!

Офицер, обезумев от ужаса, отдал честь и словно сомнамбула пересек галерею. Людовик X, крадучись, последовал за ним. Транкавель все еще находился в зале для пиршеств с несколькими сеньорами, которые ночевали в Лувре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.